

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

СОТНИК
ИЗ БУДУЩЕГО

ЭСТЛЯНДИЯ

Сотник из будущего

Андрей Булычев

Сотник из будущего. Эстляндия

«Автор»

2021

Булычев А.

Сотник из будущего. Эстляндия / А. Булычев — «Автор»,
2021 — (Сотник из будущего)

На Северной Руси наступили страшные времена. Затяжные дожди и морозы летом 1228 г. от Р.Х. уничтожили весь урожай и привели к лютому голоду сразу в нескольких её княжествах. С запада, воспользовавшись ослаблением Великого Новгорода, русским землям грозят усилившиеся рыцари Ордена Меченосцев и войска Ливонцев, а в это же время в вассальном Новгороде Пскове, и в самой столице, зреет смута и заговор против власти князя Ярослава. В соседней датской Эстляндии войска короля Вальдемара II откатываются под напором «крестоносцев» на русское Копорье, теряя одну за другой свои крепости. Отсидеться в глухих лесах Деревской пятины или встать в единый строй со своим бывшим врагом против одной большой общей угрозы? Андреевская бригада готовится к новым боям.

© Булычев А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть I. Мир	5
Глава 1. В Господине Великом Новгороде	5
Глава 2. Ненастье	10
Глава 3. «По-семейному»	14
Глава 4. Литвинское посольство	20
Глава 5. На торгу	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Булычев

Сотник из будущего. Эстляндия

Часть I. Мир

Глава 1. В Господине Великом Новгороде

Свинцовое, тёмно-серое небо висело так низко, что казалось, будто бы верхушки сосен на вырубках окунаются в него и впитывают из этого клубящегося марева обильные потоки воды. Хотя куда уже дальше её было впитывать. Второй месяц кряду с конца августа вообще без перерыва лил, ни на час не прекращаясь, на всех землях северной Руси этот холодный затяжной дождь.

Как ни спешил Андрей поспеть в усадьбу до начала ненастья, однако немного он всё-таки припозднился. После возвращения из рейда на свейскую крепость Сёдертелье, проходя по Волхову мимо Господина Великого Новгорода, пришлось его отряду делать остановку в княжьей усадьбе. Ничего не поделаешь, вопрос тут был даже не в дружеских отношениях между командиром бригады и Новгородским князем, а скорее в самой политической подоплёке всего этого дела. С Сотником на русскую землю возвращалась его невеста, а фактически даже жена, герцогиня Шведская Марта Кнутсонн, дочь самого короля Эрика X Кнутсонна и родная сестра нынешнего правящего монарха Эрика XI «Шепелявого». Дело это было невиданное, и нужно было сделать всё, чтобы проживание столь высоких особ на земле Новгородской было бы законным и максимально удобным для сюда прибывших. Ну а для этого сейчас нужно было ох как постараться!

– Здрав будь, славный князь, защитник земли русской Ярослав Всеволодович, – поклонился Андрей высокому и крепкому мужчине, встречающему его прямо у парадной лестницы крепостного детинца.

– Клaniaюсь я тебе и как командир Андреевской Новгородской бригады, и как сопровождающее лицо великой герцогини Шведской Марты Кнутсонн! – и Сотник сделал полшага назад.

Впереди него оказалась красивая молодая женщина с накинутым поверх головы шёлковым бирюзовым платком, прижатым к её светлым волосам широким золотым обручем. Во всей этой стройной фигуре, в изгибе шеи и в спокойном величественном взгляде читалось высокое достоинство и уверенность. Аристократию и благородную кровь при всём желании спрятать было невозможно!

Герцогиня сделала вежливый поклон и на хорошем русском языке с необычной мягкой картавинкой поприветствовала хозяина усадьбы:

– Здрав будь, князь Новгородский и Переславль-Залесский, сын великого князя Всеволода Юрьевича, победитель многих врагов и защитник земель русских! Слава о твоих деяниях далеко от земель Гардарики уже по всему свету разлетелась. Знают в мире тебя и как полководца удачливого, и как хозяина мудрого да рачительного, а также и как христианина доброго, душою чистого и милосердного. Оттого и обращаюсь я к тебе с личной просьбой своей о покровительстве высшем да о защите на всех землях, тебе подвластных. И как дочь славного короля Швеции Эрика X Кнутсонна, и как внучка княгини русской Софии, а ещё и как мать малого дитя я к тебе обращаюсь и защиты у тебя прошу! – и Марта взяла у стоявшей прямо за её спиной служанки завернутого в одеяло малыша. Тот, как видно, только недавно проснулся,

тихонько кряхтел и, почувствовав родной запах, завозился сильнее, пискнул и начал тыкаться в прикрытую одеждой высокую грудь матери.

– Мой венценосный брат Эрик фактически слова не имеет в своём же королевстве, ограниченный в монарших правах интригами высшего регентского совета. Сама я по настоянию главы этого же совета была заточена в замке с сыном-младенцем, голодала и постоянно ждала лютой смерти, получая многочисленные угрозы. У кого же, как не у тебя, мне искать защиты, о славный русский князь! – и Марта опять легко поклонилась.

Ярослав обвёл глазами всю площадь детинца, что раскинулась во внутреннем дворе крепости перед высокой лестницей красного входа. По бокам от помоста стояли его бояре, воеводы и воины из ближней дружины. Все из них с самым глубочайшим вниманием наблюдали и вслушивались, что тут в сей миг происходило. А происходило здесь и сейчас невероятно важное событие, которое потом можно будет часами обсуждать как в своей привычной среде, так и в обществе больших и важных господ. И всюду ты будешь с самым превеликим вниманием выслушан и привечен как первый и самоличный видак!

С легендарным командиром Андреевской бригады из дальнего заморского похода вернулась сама герцогиня свейская с дитём. И вызволены они были с боем новгородцами из неприступного каменного замка, спасённые тем самым от уморения голодом и от смерти лютой! А теперь герцогиня просит защиты для себя и для сына у нашего князя Ярослава! И ещё поговаривают, что сын-то у герцогини от самого Андрея Сотника рождён!

Вот так или примерно такими словами и будет уже через пару часов разноситься сия весть среди новгородцев от самых нижних торговых рядов да площадей с их толчеей простолюдинов аж до самих палат у господ Высшего совета и до именитых купцов из Ста Золотых поясов Господина Великого Новгорода.

Всё это князь прекрасно и сам знал и продолжал теперь играть свою уже обговоренную с ним заранее роль властителя немалой части русских земель.

– Здрава будь, герцогиня Шведского королевства Марта Кнутсонн, дочь славного короля Эрика X и сестра ныне правящего монарха Эрика XI, внучка уважаемой нашей княгини Софии Володимировны, а в замужестве – королевы датской. Рад я приветствовать тебя и сына твоего на гостеприимной земле ваших предков, кои сами никогда в обиду своих детинцев никому не давали. И сейчас я надеюсь быть твоим защитником и покровителем ревностным, как и подобает христолюбивому русскому князю! – и Ярослав сделал лёгкий и величественный поклон.

Затем он повернул голову чуть влево и посмотрел своим слегка прищуренным взглядом с лукавыми искорками в глазах на русского комбрига.

– И тебе желаю здравствовать, барон Любекский Андрей, командир доблестной бригады Новгородской, покрывшей себя славой великой во многих битвах и в походах воинских. Пойдемте-ка в терем мой, там-то с дороги дальней поснедаете, отдохнёте да и расскажете о делах ваших и обо всём том, что там, за морем Варяжским, делается, – и он, величественно кивнув, направился сам вверх по лестнице.

– Простите, Ваше Высочество! – и князь, галантно поклонившись Марте, крепко стиснул Андрея. – Живой, живой, не продырявили в этот раз твою шкуру свеи, – и он стрельнул глазами в сторону шведской герцогини.

– Ну что Вы, княже, мою шкуру так просто не возмёшь. – Сконфуженно улыбнулся Сотник, никак не ожидая столь бурного проявления чувств от такого высокого властителя. Ведь хоть и дружны они были и благоволил к нему Ярослав, однако пропасть-то между ними стояла преогромная.

– ...Да и без потерь почти обошлось, – рассказывал он Всеволодовичу. – Опыт-то в этом деле вон у нас уже какой богатый, как-никак третий замок в Шведском королевстве мы нынче брали. Это, ежели посчитать ещё те, что были ранее взяты во всех прочих датских и германских землях.

– Ваше Высочество, может, вам пока в светёлку надобно пройти? – обратился князь к Марте. – А то мы тут растрещались на радостях, а малыцу-то, небось, и покушать бы нужно, одёжки сменить там, ну или ещё чего-нибудь, – и он сконфуженно кивнул на ерзающего и хнычущего на её руках малыша.

– Спасибо, князь. – Улыбнулась Марта. – Было бы хорошо, если бы нам с Леонидом и моей Эммой, – и она кивнула на свою служанку, – дали бы немного времени заняться ребёнком и привести себя в порядок. – Сына пора кормить, вы ведь, мужчины, становитесь такими громкими, когда голодные.

– Это да-а, – ухмыльнулся князь. – Не то слово – громкие! – Я ежели вон оголодаю, так и вообще громогласным становлюсь, вся моя дворня скорее на кухню бежит, лишь бы мне по пути под горячую руку не попасться. Так что Леонид здесь в своём праве, сразу видно – мужчиной растёт, – и он кивнул на разревевшегося во весь голос малыша.

Вскоре обе шведки прошли в боковую дверь большого приёмного зала вслед за двумя местными дворовыми девками. Они что-то уже там увлечённо обсуждали на ходу, а князь присел во главе большого дубового стола на своё хозяйское резное кресло и весело подмигнул Сотнику.

– А присядь-ка ты о мою правую руку, о благородный барон Андреас. Да и Расскажи мне всё по существу и безо всякой спешки. Ибо уверяю тебя: быстро мы женщин к этому столу сегодня уже не дождёмся. Так что времени у нас с тобой на беседу будет в достатке. Ну а заодно, дабы не скучать без них, мы пока тут мёдов пряных отведаем. Или же ты к заморскому фряжскому вину более привычен? – и он опять весело подмигнул Андрею. Эй, мёдов нам и вина на стол, да закусить ещё чего-нибудь перед трапезой! – громко крикнул Ярослав. В дальнем конце зала тут же хлопнула боковая дверь и послышался, отдаляясь, топот ног. Челядь у князя-воина была, как и сама дружина, крепко выученная да сноровистая, она привыкла исполнять всё с ходу и буквально на лету.

– ...А потом как мы из самострелов и луков с берега Невы ударили, так Сумь с Емью вприпрыжку в лес припустились, а шведы было посопели, позыркали по сторонам да вокруг, ну и побросали мечи с копьями на землю, – рассказывал Андрей князю. – Ярл этот Адольфус попробовал было, конечно, покочевряжиться для начала, условия какие-то там себе начал выторговывать. Но я ему сразу же сказал: три минуты – и вы сдаётесь, или же мы вас всех здесь одним разом выкосим.

– И правильно! – перебил его Ярослав. – Нечего было вообще с ними там церемониться, никто бы с тебя не спросил за то, что вы их посекали бы прямо там же, на этом самом Невском берегу. Ибо, как тати, и безо всякого объявления войны на нашу землю нынче шведы пришли. А перед этим ведь только что вечным миром нам клялись да извинялись истово за то, что в финских землях этот рыжий ярл Ральф свой меч против нас поднял. Дескать, по ошибке, по незнанию да по недоразумению всё так вот там вышло. Безо всякого одобрения короля и всего их высшего регентского совета он сие дело самолично сотворил. Хороша же была та ошибка, ежели через полгода после всех этих стонов от того свейского посла они с ещё большими своими силами да на многих судах к нам вновь туда нагрянули. Если бы не этот ваш Орешек да большая ратная помощь от карел, то двумя сожжёнными селищами на Ладоге мы бы там точно не отделались! – и Ярослав с хрустом куснул свежей солёной капусты, заедая ей добрый глоток ставленного мёда. – Извиняй, Андрей, перебил я тебя, рассказывай дальше, что у вас случилось. Я-то, конечно, и сам там был, на месте той битвы, приплыл через три дня со своей дружиной малой, ну и поспрошал уже обо всём. Но от тебя-то интереснее же будет слушать сей рассказ. Умеешь ты поведать обо всём как-то вот эдак посильнее, пошибче, что ли, да и покраще, чем все остальные рассказчики.

– Хорошо, княже. – Кивнул Андрей. – Не можно было нам бить да сечь там всех этих сдающихся. Да ведь для Господина Новгорода те пленные шведы – это ведь, пожалуй, что

даже и получше будет, чем ежели их битые и резанные тушки. И как свидетели недобрых дел их державы против Руси хороши они, и выкуп получить за них отменный можно, да и потом, когда вернутся они к себе в королевство, много ведь чего они рассказать там могут своим из неприятного. Как их били здесь в хвост и в гриву под этой русской Невской крепостью. Как гоняли их суда на Большой Ладогe, а потом ещё и на берегу как за одну минуту целую треть самострелами положили. А особенно как опасно стало рекой Невой ходить мимо той могучей русской крепости, топящей любое судно своими большими баллистами. Да и вообще, князь, тот, кто хоть раз бросил своё оружие и сдался врагу по своей воле, не боец уже потом будет. Прежде чем на явную смерть перед врагом встать, он теперь сто раз о том подумает, как бы ему эту смертушку избежать да живым и не калечным человеком остаться. И той неуверенностью в своих силах он ещё и других вокруг себя заразить сможет.

– О как! – удивился таким умозаключениям Ярослав. – Хм, а что, есть правда в твоих словах, Андрей. Оттого ты и на Усвятах пленных попросил выпустить вместе с их князьями давеча?

– Ну-у, и для этого тоже, – протянул Сотник, прихлёбывая лёгкую медовуху, хорошо сдобренную пряными травами и приправой. – А главное, чтобы с их князьями можно было узелок доверия завязать, у нас-то с ними основной враг один и тот же теперь. Который исподволь что те же литвинские, а что и русские земли отъедает по кусочку.

– Да-а, есть такое, – задумчиво протянул Ярослав. – Рыцари Ордена меченосцев около Пскова вновь зашевелились. Мало им уже нашего Юрьева да крови князя Вячко, теперь они уже и на исконные земли Новгорода зубы свои точат. От Полоцкого княжества вон каждый год откусывают по десятку верст, а ослабших литвинов, пока у них там идёт большая свара, в глухие Задвинские леса уже загнали. А все потому что вкус крови почувствовали немцы, давно ведь им укорота никто не давал. Да и обученных воев и рыцарей к ним много теперь из Германии морем подходит. Данов-то они разбили там у себя! У Вальдемара II Датского земли Шлезвика и Гольштейна отобрали, а где им ещё теперича своим кровавым ремеслом заняться? Только ведь и могут они, что мечом себе на жизнь зарабатывать, – и он опять подлил мёда в бокал.

– Да, – кивнул, соглашаясь с ним, Андрей. – Поратимся мы с германцами ещё изрядно, князь. Западных Полабских славян: ободритов, лютичей и лужичан – они ранее вконец извели, кого умертвили из них, а кого в рабство обратили, земли их под себя забрав. Сейчас вот немцы на землях пруссов оседают и остальные балтские народы поодиночке примучивают, а там уже – дай срок – и до нас своим копьём дотянутся. Думаю, что одним нам со всем этим уже не справиться. Нужно будет коалицию против немецких воинских орденов создавать, что датчане, а что шведы или же те же литвины, все ведь не в восторге от их жадных appetитов. На земли каждого из перечисленных народов рыцари свой интерес имеют. А в Прибалтике так и вовсе своё коренное население есть. Те же ливы, латгалы и эсты, что веками и тысячами лет этой землёй ранее владели. А тут пришли с запада господа, кого из местных вырезали, кого в рабство обратили, а кого в дремучие леса и в болота загнали. Ливы с латгалами покорены уже немцам, а вот эсты за свою свободу пока ещё борются. Поддержать их всемерно – и будет у нас крепкий союзник на западных окраинах. Да и литвины вон как в последнее время усиливаются, и на латинян волками глядят. Эти уж точно себя в обиду им не дадут.

– Да, есть уже тут завязочки в этом деле, – усмехнулся ему в ответ князь. – В литвинских землях большая распря второй год как идёт, по всему видно, что молодой и боевитый Миндовг там над всеми сейчас верх одерживает. Около четырёх литвинских племён уже его руку у Немана держат. Ещё вот Мацея: куршей он переломит да ятвягов уgomонит – и, Бог даст, быть ему тогда единым властителем у всех литвинов. Уже два раза от него послы в нашем Новгороде были, всё пытаются они нас за себя склонить да нашими русскими мечами усилиться. Но мы-то ведь тоже здесь не лыком шиты, а ну как укрепитя этот Миндовг чрезмерно, а потом

и позабудет всё наше к нему добро? Поэтому мы помогаем ему, конечно, помаленьку, но и о себе тоже наперёд теперь вот думаем. И здесь для нас главное – это земли Полоцкого княжества на запад не упустить. И так ведь они в сторону литвинов вон всё время раньше смотрели, в нас своих соперников только лишь видя. Ну да после Усвятского сражения, видать, всё же осознали полочане, за кем же тут вся сила и чью руку им лучше держать надобно. К нам вон в союз нонче склоняются они и просят их от рыцарей-крестоносцев защитить. Уж больно по Западной Двине эти немцы в последние годы озоровать начали. Да ладно, поговорим мы с тобой об этом ещё. Что ты делать-то сейчас собираешься, Иванович?

Сотник отставил от себя бокал и посмотрел в глаза Ярославу.

– Марту с сыном, князь, я не оставляю. И так вон она натерпелась из-за меня, чуть было голодом ведь не уморили её вместе с дитём. Если нужно, так буду драться за них и хоть против какой рати сам выйду!

– Ой-ой-ой, распухнул-то он как, погляди, – рассмеялся Ярослав. – Да я и сам со всей своей дружиной в общий строй с тобой встану, ежели придётся. Сам же слышал, как прилюдно всем объявил о своей защите и об самом высшем покровительстве, причём как самой герцогини, так и её сына. А я своих слов, Андрей, понапрасну на ветер не бросаю. Надобно только подумать теперь, чтобы ей самой тут было бы удобственно жить. Что ты сам-то скажешь обо всём? – и он со всем вниманием поглядел на Сотника.

– Марта, князь, моя невеста, а по сути – уже жена, – ответил, немного подумав, Андрей. – У нас с ней сын Леонид, и главное, что мы друг друга любим. Хотели бы мы всё по-человечески устроить, чтобы супружество наше было бы освещено церковью, а для этого она прежде приняла бы крещение по нашему православному обряду, ну и уже потом мы бы смогли с ней обвенчаться. Понимаю, что из-за её титула это может быть непросто, поэтому и обращаюсь я к тебе, князь, за помощью. Сам я, ты знаешь, в высших новгородских кругах не вращаюсь, и никакого желания нырять в сей мутный омут, честно говоря, у меня и вовсе даже нет. Да и бумагу я три года назад ещё подавал, ту, в которой наперёд отрекался ото всякой светской, мирской власти на нашей земле, дабы только не возбуждать против себя здесь завистников.

– Да знаю я, – отмахнулся Всеволодович. – Потому и не тащу тебя на все эти советы. Ведь не совладаешь ты на них с собой, не сдержишься, надерзишь тамошним склочникам, улаживай опосля их слезливые жалобы и разбирай всю эту гнилую возню. Думаю я, что с Владыкой можно будет поговорить и о крещении герцогини, и об вашем с ней венчании. И ты ещё о сыне своём никак позабыл, а, тятенька? Лёнька-то твой, чать, тоже ещё пока без креста? Ладно, ладно, понимаю я, что не до того вам пока было. Ну, так я сам ему теперь крёстным буду, чай, не откажешь своему князю в такой просьбе? – и Ярослав с усмешкой поглядел на Андрея.

Сотник аж поперхнулся от неожиданности.

– Почту за великую честь, князь! Не смел даже надеяться на такую великую милость!

– Ну ладно, ладно, будя. – Улыбнулся Ярослав. – Чай, и я сам не у простого мальчика в крёстных отцах буду! В нём ведь кровь и наших князей русских, и шведских с датскими монархами есть. А от батеньки ему так и вовсе благородная баронская досталась! – и он, хлопнув Андрея по плечу, громко расхохотался.

Глава 2. Ненастье

Как ни спешили в поместье управиться досрочно с уборочной, а всё-таки не совладали со всей той горой дел, что навалилась на все хозяйства. Сотник загодя потребовал от Парфёна подготовиться к грядущему ненастью, ибо точных сроков его начала он не знал, помня лишь, что сплошные дожди должны зарядить уже в самом конце лета. Как это обычно бывает, когда сильно спешишь, что-то обязательно упустишь. Выяснилось, что кому-то не хватило инвентаря, где-то захромала кобыла или же тягловый бык, кто-то на недавнем сенокосе распорол себе ногу, а у кого и вообще дранкой или тёсом не был покрыт сверху амбар или овин. Вот и носился главный управляющий по всему огромному поместью со многими своими помощниками, всюду распекая нерадивых или же недостаточно расторопных работников. Поместные поля с уборкой запаздывали. Крестьяне в первую очередь старались прибрать своё личное добро. Слух о предсказаниях Хозяина о трёх страшных годах был на слуху у каждого.

– Архип, вот не совестно тебе? Андрей Иванович ведь вон какое вспоможение твоему хозяйству дал. От зерновых посевов на две трети освободил, переведя всё на твой любимый овощ да на пряные травы, а ты вишь как, свой овин не хочешь под сушку зерновых снопов отдавать. Эвон у соседей всё уже под завязку там забито, они обмолачивать их не успевают, а ты вон всё попереёшничаеть здесь. Ну вот что ты за человек-то, право слово, Архип?!

– Ну, ладно тебе, Парфён Васильевич, наговаривать-то на меня! – вскинулся огородник. – Я же не отказывался вовсе от вспоможения, просто свою рожь с пшеницей и с овсом я уже всю высушил, а сейчас вон их обмолот заканчиваю. Ну а чтобы ничего просто так в хозяйстве не простаивало, у меня там горох с бобами и с кукурузикой пока подсушивается. Ежели их сейчас сырыми на долгое хранение заложить, то ведь глазом не успеешь моргнуть, как всё плесенью и гнилью пойдёт, только и останется опосля, что выкидывать. Да вон сам ты, Парфён Васильевич, своими глазами погляди на моё гумно! – и крестьянин кивнул на большое строение с прилегающими к нему сараями и навесами, стоявшее в самом углу большого двора.

Здесь, на отгороженном от земель остального обширного хутора утоптанном месте, стояли скирды ещё не обмолоченного пока жита. На этом участке, называемом гумном, проводился его обмолот, а также шло последующее веянье зерна. Тут же рядом стояли и большие навесы, где хранились оберегаемые от непогоды ранее сжатые снопы. Рядом с гумном высилось большое бревенчатое сооружение – овин, в котором и производилась основная сушка снопов, шёл их обмолот, а далее происходило подсушивание уже обмолоченного зерна. В овине сейчас было жарко, из него при виде высоких гостей порскнули младшие чумазы Архиповичи, делом которых был пригляд за сушкой, поддержание высокой температуры внутри строения, и самое главное – это общий пригляд, чтобы не дай Бог ничего бы не вспыхнуло в этом огромном натопленном сооружении. Ибо овин состоял, кроме самих огромных бревенчатых строений, ещё и из ямы, где располагалась большая очаговая печь без трубы, которая-то и создавала здесь высокую температуру, потребную для просушки урожая.

На верхних ярусах и по всем бокам овина лежали сейчас снопы сжатой пшеницы, убранной самой последней из всех зерновых. Центр нижнего яруса с полом из плотно утоптанной глины был занят горками зерновых культур, лущёного гороха, бобов и кукурузы.

Парфён запустил руку в гору с горохом, внутри её было горячо и сухо.

– Ого, как просушил-то ты его, однако! А не взопреет ли он у тебя от суши-то такой сильной?

– Да не-ет, Васильевич, – протянул уверенно Архип. – Посуху собирали ведь его, влаги-то потому и нет у меня на урожае. Правда, вот это золотое зерно, что Хозяин кукурузикой назвал, не вызрело ведь ещё вовсе, с молоком это евойное зерно на корню стоит. Поди, с месяц, а то даже и с полтора ещё ему нужно будет, чтобы оно совсем вызрело да в початке затвердело.

Тако же и с семечком подсолнечным, его я и вовсе не стал пока вообще с поля собирать. С него-то, с недозрелого, никакого ведь масла пока не выжмешь, и кукурузику тоже половину я пока в поле оставил, а ну как будет у нас ещё месяц, да и останется всё-таки добрая погода?

– Ну, ну. – Кивнул управляющий имения. – Смотри сам, ты же у нас сам себе голова, Архипка. Тебе-то хорошо, у тебя вон, целых три теплицы под стекло давеча плотницкие выставили, ежели вдруг ненастье зарядит надолго, ты весь овощ туды на просушку утянешь, а вот у всех остальных-то и этого в хозяйстве даже нет.

И оценив дела у Архипа в его Лосиной пади, Парфён поехал на соседнее росчище к главе большой семьи Первуше Кривому, который был сам из псковских крестьян и вёл полеводство совместно с тремя своими взрослыми и семейными братьями.

Всё население хутора старше восьми-десяти лет трудилось сейчас на уборке яровой пшеницы, ячменя и овса. Жалобы у всех были одни и те же: урожай хороший, колос полное зерно набрал, и теперь его нужно было весь сжать, свезти на гумно, подсушить там, затем обмолотить, провеять, ну а потом ещё раз всё подсушить и закладывать уже в самом конце на хранение в амбары.

Мужики отложили косы и, смахивая с лица пот, столпились возле управляющего.

– Парфён Васильич, нам бы ещё кобылку какую на пару неделек в хозяйство. Моя-то Пятнушка ожеребилась давеча и не может тягло так уже бодро, как вон раньше, таскать. А Бурку, что ты нам давеча давал, твой Ильгизка позавчерась ишшо за реку Ямницу угнал. Тама, говорит, он нужнее будет, этот вот конь. Ну как так-то?! Ведь и мы не управимся без него теперича здесь. – Горестно махнул рукой Первак. А вслед за ним загомонили и все его три брата: Вторак, Третьяк и Четвертак.

– Всего неделя осталась нам до конца августа, а тут работы будет непочатый край!

И опять чуть понизив голос, задал старший из всех братьев уже такой привычный вопрос:

– Есть ещё время-то до ненастья, Парфён Васильич? Может, всё же обойдёт оно нас тут стороной?

* * *

Не обошло. И времени всё доделать у работников уже не было. В конце августа 1228 года от Рождества Христова на всю северную часть Руси небеса опрокинули бесконечные дожди, и шли они уже ледяные до самого декабря месяца. Урожай хлеба и всех зерновых культур крестьяне убрать с полей не смогли. Всё необходимое для зимовки скота сено либо полностью сгнило на лугах, либо и вовсе даже не было скошено или свезено на хозяйские дворы. Начинались страшные бедствия!

По тревоге были подняты все воинские подразделения бригады. Денно и ночью вымокшие до самой последней нитки седоусые воины и сопливые курсанты воинской школы проводили всё своё время среди раскисших полей и огородов, прибирая и сберегая всё то, что только было возможно. Да и всех ремесленных с кожевенных, прядильных, плотницких, воскобойных, кузнечных, гончарных и прочих артелей, с мастерских и с заводиков тоже бросили крестьянам в помощь. В усадьбе оставалась сейчас только дежурная сотня да работал оружейный заводик, ладящий непрерывно самострелы-реечники. Ну и, разумеется, трудились до самого изнеможения плотницкие артели, покрывающие везде, где только это было нужно, протёки крыш и в спешке выстроенных ранее многочисленных навесов. Сейчас они строили повсюду в поместье новые овины и сушильни и опять ладили на хуторах и на росчищах многочисленные навесы да укрытия.

Дымил, правда, всю у глиняного карьера своими огромными печами для обжига ещё и кирпичный заводик, спешащий наделать побольше огнеупорного кирпича для печных артелей, так же ладящих десятки печей и очагов в отстраиваемых повсюду в великой спешке строениях.

Все же остальные выкапывали из грязи картофель, репу, редьку, свёклу и морковь. Срезали с залитых водой грядки капусту и свозили это всё в малые хуторские и в огромные поместные сушильни. Затем всё это там очищалось от грязи и закладывалось для последующей просушки в огромные дырявые ящики-короба. Печи в этих сушильнях горели теперь круглосуточно, не погасая ни на час. И всё новые партии подготовленных овощей закладывались для длительного хранения в специальные кладовые.

В овинах же непрерывно веялось зерно и всякое другое семя, тормошилось и переворачивалось сено с соломой да сушился наготовленный веточный корм. Ничего не должно было пропасть! Каждый помнил про три, а то и четыре года страшного ненастья.

– Поднапряжёмся, господа старшины, – просил Парфён бригадных командиров. – Ещё две недельки бы надо потрудиться, чтобы все то, что сейчас свезли в сушильни, приготовить к долгой закладке. Упустим мы хоть один день, а потом ведь уже поздно будет!

– Да что мы, без понятия, что ли, Васильевич?! – отмахивались воинские начальники. – Чай, не святым духом питаемся пока, – и выводили свои команды для работы.

В середине сентября пришёл караван из далёкого немецкого Любека. Перегрузившись с больших морских коггов на речные суда в Ладожской гавани, он прошёл по Волхову мимо Господина Великого Новгорода. Около Ильмень-озера присоединил к себе ещё семь ратных ладей, возвращавшихся в Андреевское, и, пройдя по нескольким рекам, встал на разгрузку у причалов поместья.

– О-о-о, к нам помощнички подошли! – кричали мокрые и грязные воины своим только что прибывшим товарищам. – Лоботрясы! Пока вы там свеёв с лесными народами гоняли по Ладогге, их замки брали да развлекались от души, мы вон тут трудились в поте лица и без продыху. Никакого просвета ведь впереди нет, всё льёт этот дождь сверху. Так что давайте, братцы, присоединяйтесь и вы уже!

Главной задачей у возвратившихся была разгрузка судов каравана. Почти десять тысяч пудов пшеницы, овса, ржи и ячменя было вывезено водным путём из Западной Европы. Портывый город Любек здесь выступал в роли посредника, скупая все, что только было можно, через своих торговых агентов и переправляя потом с торговой наценкой в четверть прежней цены, как это и обговаривалось ранее между его советом и бароном Андреасом. Всё это теперь шло морскими караванами на Новгородчину. Хорошо было всем. Городская казна германского города и мощна его купцов пополнялись серебром и золотом, а русские получали огромные объёмы такого ставшего им вдруг очень нужного зерна. Пришли и ещё некоторые товары в виде стекла, каких-то там жидкостей и порошков, железок, красок, квасцов и прочего непонятного добра. Для чего всё это сюда приплыло, было пока непонятно, и все товары до поры до времени закладывались по своим хранилищам, дожидаясь возвращения Сотника.

После трёх дней разгрузки торговые ладьи вновь наполнили трюмы восковыми свечами, липовыми бочонками с мёдом, скатками пеньковых канатов и парусиной. Много на этот раз отправлялось готовой меховой одежды в виде шуб, шапок и всевозможных накидок из шкур бобра, соболя, горностая и куницы – это было сработано для богатеёв. Грузили в обширные трюмы пошитое попроще и для народа: изделия из меха белки, лисы, зайца да и просто из хорошо выделанной овчины.

Отдельно грузились кожаные изделия: обувь, всевозможной длины и ширины ремни, поддоспешники, сёдла, ножны, плащи, кошель, разноразмерные вёдра и бурдюки.

В отдельных мешках заносили тканую мужскую и женскую одежду, пошитую из пряжи льна и шерсти. Грузили рядом штуки тонкого тканого полотна и скатки из более грубого. Ставили в сколоченные ящики гончарные товары, начиная от небольших расписных глиняных свистулек и игрушек, заканчивая огромными кувшинами, опарницами и сковородами под целого кабана.

Оружия и доспеха вовсе никакого не было. На складах лежало починенное из трофеев с Борнхёведе, но приказа на его отгрузку пока не поступало. Непонятно было, когда это всё, где и у кого потом выплывет, а усиливать своего возможного противника никому не хотелось. И так, по донесению любекских торговцев, цена на всё военное снаряжение подскочила недавно аж на четверть цены, а это говорило, что кто-то сейчас усиленно готовится к будущей войне и скупает все то, что только появлялось годного на рынках.

Последними занесли три больших мешка с тонким кружевным плетением усадебных мастериц, пользующимся огромным интересом у европейской аристократии, и ещё небольшой обёрнутый плотной кожей мешок с молотым кайенским перцем.

– Нету более. – Развёл руками перед любекским купцом Юргеном Заксом Парфён. – Это всё, что мы смогли тебе найти, Юрген, да и то по хорошему знакомству. По весне ещё постараюсь приготовить лично для тебя, но много отгрузить тоже не обещаю, видишь, как с погодой-то ныне дела обстоят.

– Я, я. – Покивал купец. – Я дать очень хороший цена за этот товар. Ты не забыть про меня, Парфён.

Семена кайенского жгучего перца, попавшие в этот мир, проросли, и эта культура, прекрасно прижившаяся в усадьбе и выращиваемая теперь рассадой в местных теплицах, потом перекечевывала и на подоконники жителей, в их избы. Все пряности, и жгучий перец в том числе, стоили же в это время в Европе баснословно дорого, совершая свой длинный путь в неё из Юго-Восточной Азии. И пользовались они там неизменным и стабильным спросом ещё долгие века.

– Всё, удачного плаванья вам! – Махнули руками провожающие купцов Андреевцы. Ладьи одна за другой медленно отошли от пристани и направились вниз по течению Ямницы. Большая вода давала возможность пройти через мелководья и пороги, добираясь до Ладоги быстрее, чем в прошлые года. А там уже следовало перегрузиться на огромные морские когги и идти сильным караваном по озеру и по Неве к Варяжскому морю¹.

После русской крепости Орешек начинались уже беспокойные места, а вот там-то как раз-то и следовало «держаться ушки на макушке». Но команды у ганзейцев были весьма опытные, да и с русскими ушкунниками у них был заключён договор – ряд о морской охране. И это всем давало уверенность в благоприятном исходе плаванья. Шукарь клятвенно обещал, что с судами по пути ничего не случится, их непременно встретят и возьмут под защиту уже на самом Ладожском озере. Зря, что ли, за их проводку такие хорошие деньги были обещаны боевитым новгородским ушкунникам?

---

¹ Балтийское море.

Глава 3. «По-семейному»

– А ты сам посуди, Тысяцкий, все те выгоды Новгорода от того, что под нашей защитой тут будет герцогиня свейская жить. – Навис над Семёном Емином Ярослав. – Ты же ведь сам правильный счёт любишь, не зря же вон у нас такой прирост в торговых делах идёт в эти последние три года. И так, давай посчитаем: первая выгода – она прямо-таки очевидная – это то, что член королевской семьи, аж сама герцогиня Шведская, не куда-то там к своему дядюшке в Данию, а к нам, на Русь, жить ушла. А это что? – и он сам же на свой вопрос ответил: – А это-то, Семён, означает, для понимания всех народов, что Русь ныне сильная и что она вполне даже уверена в себе, и что с ней можно смело любое дело, хоть то же торговое, а хоть бы даже военное или ещё какое, скажем, союзное вести. Тем более что готландцы эту самую герцогиню очень и очень сильно любят, не зря же у неё там свой замок был, и она сама не раз у них на высшем тинге речи вела. А Готланд у нас самый первый торговый партнер. Ведь верно, если, конечно, мне память не изменяет? – и князь устался на Тысяцкого.

– Пока да. – Немного подумав, кивнул тот. – Пока первый, князь. Только вот с Ганзой у нас оборот всё более и более в последнее время растёт, особенно с её торговым городом Любеком. Причём так растёт, что эти готландцы даже и в обидах бывают порой, уж больно им в последние годы эти немцы повсюду на пятки наступают.

– Ну, вот и тем более, значит, что в большом интересе они все, дабы с нами и далее в согласии быть, а тут ещё и герцогиня Марта вполне счастливая и довольная себе здесь, припе-
ваючи поживает. И чего не торговать-то, когда всё стабильно у твоего торгового партнёра?

– А вот тут мы, господа малый совет, плавно переходим ко второй и даже, пожалуй, самой главной выгоде Новгорода – это к политической пользе от пребывания Марты у нас. А именно в том, что один из самых главных врагов Руси – резко усиливающаяся сейчас Швеция – должен пять раз теперь подумать, прежде чем с нами войну затевать. У нас ведь, по сути, чистый претендент на королевский трон Швеции живёт. Он, конечно, пока ещё совсем маленький, но в его-то жилах течёт кровь его великого деда – самого Эрика Х Кнутсонна, первого шведского короля, благословенного церковью. И этот малыш обязательно подрастёт, а Швеция, как это уже не раз бывало, ведь может проиграть с войну с нами и с нашими союзниками. Вполне возможно, что народ её будет потом бунтовать, требовать наведения порядка в своём королевстве. Ну а для начала, как это обычно водится, он захочет крови виноватых во всём этом безобразии, что только у них там будет твориться. А тут, пожалуйста, на Руси есть готовый монарх, никак не связанный с ошибками прежних властителей. Есть для нас политическая выгода от всего этого? – и сам же он опять и ответил на свой вопрос: – Есть, да ещё и какая! Эдак мы можем разом из врага сделать Швецию если уж не другом, то хотя бы нашим добрым соседом. И мирным путём, договором, сумеем поделить все наши интересы и сферы влияния в соседней Тавастии. Ну и третий вопрос – это то, что герцогиня сама лично захотела принять правослабие! Это, конечно, уже вопрос нашего уважаемого Владыки, и я бы не хотел тут говорить ничего лишнего, – и Ярослав Всеволодович вежливо поклонился представителю высшей власти в вече-
вой республике. – Вы и так все знаете, какой ныне натиск от латинян идёт на наши пределы и на наших союзников да соседей с запада, а тут вот у нас какое событие! Это может стать хорошим примером для всех колеблющихся. И вообще усилить нашу церковную власть в её святом миссионерском деле.

– Всё это хорошо, – воспользовавшись паузой, встрял в речь князя член малого высшего совета, посадник Иванко Дмитриевич. – А ну как мы, наоборот, против себя всех вокруг себя обратим? Брат Марты, чай, сейчас пребывает в обиде за это дерзкое вызволение герцогини из замка? А вдруг он объединится со своим датским дядюшкой Вальдемаром да ещё и попросит опосля помощи у самого Латинянского Папы Григория IX? А тот, недолго думая, возьмёт да

и объявит новый крестовый поход супротив нас. И так уже немцы в Пскове местных господ подзуживают да перетягивают под себя. Нас-то, может, они и не изведут, а вот каждый из врагов по хорошему куску для себя от новгородских земель отгрызёт. Да ещё, не дай Бог, сам Псков от нас оттяпают, воспользовавшись евоным ослаблением!

– Отгрызут они, как же, оттяпают! – вскинулся Ярослав. – Мы им все зубы там повыбьем, коли они на наши исконные земли свою волчью пасть разинут. Чай, это нонче-то не после Калки времена, когда вся наша Русь совсем без дружинных воев осталась, почти всех их там, в этой злой сече, потеряв. Литвинов с финнами да со свеями мы уже порядком приструнили, а там уж и до крестоносцев скоро наши руки дойдут, дайте вот только мне срок!

– Тише, тише, господа Малый совет! – Поднял руку Владыка. – Понимаю я, что о родной земле каждый из вас по-своему радеет и печётся. Однако хотел бы напомнить, что власть наша должна к единому мнению приходить и устранять все возникшие главные разногласия ещё до общего обсуждения на Большом совете, как это мы сообщали уже с вами и решили ранее. Всё это – дабы не сподвигнуть простой люд к бунтарству, а затем и к ослаблению верховной власти Господина Великого Новгорода. Сами ведь понимаете, как страшна бывает необузданная толпа, подогретая призывами к разрушению, стяжательству и к порочной вольнице. Уж мы-то с таким традиционным вечевым управлением у себя всего этого сполна ведь во все времена хлебнули. Поэтому спокойно думаем, господа, а потом приводим всех к общей мысли на Большом совете новгородских господ. Моё же мнение, как православного пастыря, таково, что коли души людские сами просятся в лоно нашей церкви, да ещё и молят защиты у нас, так и отказывать им в этом великий грех был бы. Но и об укреплении своей земли, дабы не подвергнуть её опасности, я тоже, как Владыка, всё время должен думать. Так что давайте мы ещё раз всё вместе здесь и сейчас обсудим.

И дальше продолжилось обсуждение всех тех рисков и выгод, что появились в связи с этим неожиданным приездом шведской герцогини на новгородскую землю.

В итоге было решено на Большом совете господ держаться всем единого мнения, что приезд герцогини Марты Кнутсонн на землю Великого Новгорода есть большое благо. Саму же её заверить в самом высшем покровительстве и в защите и предложить ей место проживания, как в самой столице, так и у мужа Андрея Сотника в его личном поместье на свой выбор и по желанию. Также настойчиво ей порекомендовать принять православное крещение для самой себя и для своего сына, причём как можно скорее.

Обряд крещения герцогини и её сына проходил уже в ближайшее воскресенье в главном храме Северной Руси – Софийском соборе. При крещении Марта получила православное имя Мария. У малыша имя и так было по святцам от греческого святого Леонида. Также не пришлось менять при крещении имя и служанке Эмме, ибо среди православных святых была и своя Эмма-Емилия Кесарийская.

– Стало быть, Лёнька как был, так и остался Лёнькой, – пояснял Митяй своим друзьям, стоявшим в едином ратном строю отборной сотни.

Так в начищенных до блеска доспехах, в парадном построении и проследовали они вслед за своим командиром и за новокрещёнными на Новгородский Княжий двор, где по случаю крестин был устроен званый обед для всех желающих. Красивая процессия шла по центру города. Впереди на двух белых конях ехала сама герцогиня с Сотником, держащим на руках сына. А за ними парадным строем под громкую барабанную дробь вышагивала отборная воинская сотня. Восемь десятков крепких бойцов-рубак в своей лучшей броне шли впереди колонны, держа над собой лес длинных копий с острыми гранеными наконечниками. Сзади них в одной колонне шли в кольчугах два десятка юношей из воинской ратной школы, держа на плечах самострелы.

– Андреевские, Андреевские! – слышался шепот из толпы зевак. – Вона как их вои слаженно шагают, да ещё под эту свою музыку антиресную.

И тут идущий во главе всей колонны Тимофей не выдержал и решил «добить» новгородцев уже полностью.

– Сотня! Песню запевай! И раздался на главной улице самого древнего русского города звонкий запев Андреевского «соловья»:

*– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши деды?*

Общий хор голосов грянул в ответ:

*– Наши деды – славные победы.
Вот где наши деды!*

И потом с лихим посвистом под топот сапог понёсся общий припев:

*Соловей-соловей, пташечка.
Канареечка жалобно поёт.
Раз поёт, два поёт, три поёт,
Канареечка жалобно поёт!*

Так и зашла сотня под крепостные своды Ярославова дворища, сопровождаемая стайкой мальчишек-сорванцов и многочисленными зеваками.

– Машенька, потерпи немного, – попросил Андрей любимую. – Сама понимаешь, такое событие большое для всех, да и хорошо это, когда к тебе народ так благоволит. Ты немного посидишь для приличия в общей зале, а потом вы с Лёнкой и Эммой в светёлку свою уйдёте. Все же понимают, что малец наш особого ухода себе требует. Да и сейчас, после третьей чарки, всем им уже и не до вас здесь вовсе будет.

– Хорошо, Андрюша. – Улыбнулась Марта, во крещении Мария. – Шумно здесь очень, да и утомились мы с сыном, затемно ведь сегодня поднялись, чтобы всё успеть.

Как Андрей сказал, так всё и вышло. Первые три чарки были подняты за здоровье новокрещеных, всего честного новгородского люда и веру христианскую, ну и, разумеется, про князя новгородского здесь тоже не забыли. Всё шло вполне себе чинно и степенно, потом хмель понемногу ударил в голову, и пир уже пошёл горой. Веселье только ещё набирало свою силу, а шум в большой зале терема стоял внушительный. Здесь праздновали самые высокие люди Господина Великого Новгорода: первые его купцы, старосты городских концов и улиц, хозяева мастерских и артелей. Присутствовали тут также большие воинские начальники и, конечно, бояре. На огромном теремном дворе стояли заставленные всякими яствами и хмельными напитками длинные столы.

Для Андреевской сотни был накрыт отдельный широкий и богатый стол, но воины на спиртное здесь не налегали. Не то это было место, чтобы им расслабляться.

– Вот доберётесь до дома – пображничаете, сколько у кого душа попросит, – нахмурившись, выдал Андреевцам Варун. – Севастьян, а тебе нынче тут приглядывать за всеми внизу, и смотрите, с местными только не цепляйтесь, они-то ведь горазды с чужаками задираться. А мне самому наверх надо. Я бы, конечно, лучше здесь, на солнышке, расположился с вами, да вот же в этом тереме, в духоте и тесноте возле Иваныча сказано быть.

– Иди, Варун Фотич. Да не беспокойся ты за нас, здесь всё чин чином будет, – успокоил старшего по разведке бригады командир пластунской сотни.

Марта уже было хотела тихонько выйти из-за стола, как слово взял сам Новгородский князь. Он величественно оглядел весь большой, уставленный столами зал. Шум и гам постепенно стихли. Все присутствующие замерли, глядя на него в ожидании.

– В первый же миг встречи я сказал, что рад приветствовать герцогиню Марту с сыном на земле её предков, на нашей Новгородской земле. А ещё я более рад тому, что теперь уже во крещении герцогиня Мария будет здесь жить как у себя дома. Так пусть же не разочаруются они никогда, а чтобы ей и сыну её Леониду тут бы удобнее и веселее жилось, перед крыльцом их ждёт особый подарок! – и входные двери настежь распахнулись.

Перед крыльцом стояла придерживаемая под уздцы княжыми конюхами великолепная чистокровная арабская кобыла серой масти с тёмными пятнышками на шерсти по всему корпусу. Лошадь эта была великолепна! С правильным и плотным, худощавым телосложением, присущим этой породе. С прямой головой, длинной изогнутой шеей и прямым крупом, с высоко поставленным хвостом – это был воистину княжий подарок!

– Её родители родом прямо из Аравии, – усмехнулся Ярослав, наблюдая, с каким восхищением оценивают знающие люди кобылу.

Но многих зрителей интересовала не только эта лошадь. Народ во все глаза рассматривал и стоящего рядом с ней маленького коника пегой масти, высотой в холке не достающего даже до груди конюха. Коник этот был чем-то похож на тяжеловоза, только в уменьшенной его копии: с короткими толстыми ногами, большой головой и с широким туловищем. Покрыт он был густой шерстью, с длинной пышной гривой и хвостом.

– Это мой подарок для крестника. – Улыбнулся князь. – Пусть с самой колыбели на своём первом коне учится держаться Леонид. Сего коника англичане называют пони, а сам он привезён с Шестландских островов, что стоят в северном море между норвегами и англами. Ну а коли у крестника ещё и сестрёнка или братик потом появится, так и у них будет своя вот такая же чудная лошадка, это я обещаю! – и Ярослав озорно подмигнул Сотнику.

– Спасибо, князь! – Улыбнулась Марта-Мария. – Это действительно прекрасный подарок!

– Ну так! – аж крикнул Всеволодович от удовольствия, радуясь, что угодил именинникам. – Наливай, что ли, по полной! – и он махнул рукой.

– Слава князю Ярославу! – кричали радостные новгородцы. Эх, веселись, душа!

* * *

Наутро у многих хорошо погулявших изрядно болела голова. Кто-то отпивался капустным рассолом или квасом, кому-то было болеть недосуг, ибо дел, как обычно, было всегда очень много. Шла уборочная страда, многие новгородцы имели свои земельные наделы вне города, и нужно было помогать работающим на них холопам или хотя бы за ними приглядывать. С утра небо начало заволакивать густыми низкими тучами, а потом на землю хлынул обложной холодный дождь. До головной ли тут боли, когда с полей ещё ничего не убрано, а сено так вообще не было высушено как следует и не прибрано в сенники сараев да под навесы.

Смотрел Сотник на большие лужи в пузырях, на серую уличную мглу и хмурился. Вот оно, похоже, то ненастье, о котором он загодя предупреждал. Пора было двигать к дому, в поместье, но в Новгороде оставалось ещё одно незавершённое дело. Князь очень просил его задержаться, ибо совсем скоро должно было сюда прибыть посольство от литвинов. Сам Миндовг шёл с ним для встречи с Ярославом. А кому, как не Андрею, было присутствовать на этих переговорах? Ведь именно он поспособствовал в своё время сближению народов, ещё тогда, три года назад под Усвятами.

– Он тебе доверяет, Иванович! – пояснял Ярослав свою просьбу. – Ты же сам ему помог тогда, когда знамёна всех полёгших в битве князей и все их символы власти обратно ему вер-

нул. А всех уцелевших в той кровавой сече литвинов ведь сам же Миндовг после вашей беседы с их личным оружием да при конях в свои родные земли вывел. Думаю, все это у них там весьма даже оценили да себе на ус намотали. А ещё более того важно, как он обставил это своё возвращение в свои литвинские земли. Ведь пришёл-то он назад не как побитый врагом предводитель, но как спаситель всего сводного войска. Да и племенные старшины Селов, Ятвягов, Куршей и Жемайтов именно ведь из его рук да при стечении всего народа обратно свои знамёна принимали. Каково это? Ах, и хитрец же Миндовг, он даже Мацея в сторону подвинул, хотя тот тоже ведь в этой страшной битве выжил! Далеко пойдёт князь от Аушкайтов и Литвы. Правильно ты, Иванович, посоветовал присмотреться к нему! Ну и у тебя личное же дело осталось, ты ведь пока что ещё жених, как-никак. – С улыбкой подмигнул ему Всеволодович. – Когда у вас венчание-то с Марией будет?

– Да вот в ближайшее воскресенье уже, – ответил ему Андрей. – Но мы хотели это как-то по-тихому, по-семейному, что ли, провести. А то уж больно весело мы эти крестины справляли, аж до сих пор вон в голове шумит!

– Ну, по-семейному так по-семейному. – Ударил, вставая, ладошками по коленкам Ярослав. – Чай, я тоже как крёстный уже сюда подхожу? Не прогоните уж теперь-то меня?

– Да что ты говоришь-то, князь! – возмутился Сотник. – Мы всегда рады будем тебе и всем твоим близким!

– Ну, вот и хорошо. – Улыбнулся Ярослав. – Вместе с сыновьями, значит, я у вас буду. Я ведь после переговоров с Миндовгом, как и говорил ранее, на Новгородском княжении Фёдора и Александра оставляю. Сам же намереваюсь занять Владимиро-Суздальский стол. Ну а там, Бог даст, так и на великокняжеский в стольном граде Киеве сяду. Но то дело не быстрое, ты же сам всё это понимаешь. При сыновьях за воеводу Фёдор Данилович останется. Ему и тиуну Якиму, помимо помощи малолетним княжичам, надлежит ещё и новгородцев к походу на немецкий Дерпт подготовить. Думаю, как только реки льдом накрепко встанут, попробую-ка я крестоносцев на прочность испытать. Возьму вон дружину из Переславля и Владимира да пройду с ней по землям Дерптского епископства. От тебя большой военной силы в подмогу не надо, вы и так только что из дальнего похода вернулись. Ну, сотни три-четыре, кто уже совсем дома засиделся, можешь, конечно, и отпустить со мной.

На том они и порешили, а дождь всё лил и лил, не прекращаясь.

* * *

Венчание, как и хотели Марта с Андреем, прошло тихо и по-семейному. Горели свечи и лампадки в Соборе Рождества Богородицы, красивейшем трёхглавом храме Антониева монастыря. Седовласый отец Валентин вёл чин церковного благословения брака торжественно и неспешно.

– ...Венчается раб Божий Андрей. Венчается раба Божия Мария. Господи Боже наш, славой и честью венчай я, – и на головы новобрачных батюшкой были возложены венцы.

На душе у Сотника и Марты было светло и радостно. Наконец-то и перед Богом, и перед людьми они были уже законными супругами и можно было вести нормальную семейную жизнь. А вот и последнее поздравление от священнослужителя:

– Поздравляю вас, дорогие, с законным браком. Сегодня совершилось величайшее событие в вашей жизни – сегодня вы получили Божие благословение на совместную жизнь. Сегодня свершилось торжество и радость не только в вашей жизни, но и в жизни всей нашей Церкви. Потому что вашим браком вечность пришла на землю, вечность вошла в область времени. Потому что вашим браком приблизилось Царство Небесное. Ибо сказано, что Царство Небесное пришло там, где двое – уже не двое, а одно. Вот что такое брак. Идите же по жизни вместе рука об руку. Можете поздравить, дорогие мои, новобрачных...

Подошёл первым Митяй, давно уже, ещё с прошлогоднего Балтийского похода, нашедший общий язык с Мартой. Потом поздравила дочь Анна, старшие сыновья Василий с Ильюхой. Все искренне радовались и обнимали новобрачных, желая им семейного счастья и любви. Подошёл князь с княжичами Фёдором и Александром. Подковылял степенный дядька Аким, а за ним следом и седые ветераны Варун Фотич, Будай Властиборович, Тимофей, Савва...

В этот раз столы накрывали в новгородской усадьбе Сотника. Народа было звано немного, и всё было спокойно, «по-семейному».

Глава 4. Литвинское посольство

Караван литвинов из пяти ладей, пройдя от Западной Двины и по всем Задвинским и Усвятским волокам, спускался теперь к северу по бегущим к русскому озеру Ильмень полноводным и широким рекам. В конце серпеня² подошли к русской крепости Холм, где посадник из старых дружинников, седой хмурый Ратибор, самолично чуть ли не обнюхал каждое судно гостей, держа их с причала на прицеле своими лучниками и арбалетчиками.

– Не любишь ты литвинов, ох и не любишь, признайся, посадник? – спросил его с усмешкой командир охранной сотни Айварас.

– А что мне вас любить-то? – сурово глядя в глаза литвину, вымолвил Ратибор. – Вы два с половиной года назад тут уже хорошенько прогулялись. Всю округу выбили и вымели везде подчистую. Только те, кто в крепости схоронился, остались тогда живы или не ушли к вам в полон. У нас вон почему речная пристань и все посадки, да и те же приречные строения, свежие? Да потому как отстроились они уже после этого вашего последнего набега, а все старые, что ранее были, так те тогда в пепел обратились.

– Нас тут не было, посадник, ты давай уж это, не неси тут на нас-то напраслину! Здесь проходили люди князя Игнаца, а не мы. Кстати, они были одного с вами языка, русины! – рявкнул со злостью воевода Миндовга Радвил и демонстративно положил руку на рукоять меча.

– Я знаю, кто был! – с достоинством ответил посадник, даже не поведя бровью на угрожающий жест литвина. – Чай, сам тогда оборону здесь держал и князя вашего хорошо запомнил, – и он, сняв шлем, обернулся и перекрестился на хорошо видимый с реки крест Холмской церкви.

– Не спорьте, – остановил надвигающуюся ссору литвинский князь. – Мы идём в Великий Новгород с миром, чтобы искать союза с Русью. Нам нужно позабыть былые обиды и жить дальше. И лучше, если мы будем союзниками, чем станем искать зла друг другу. Вот, погляди, – и он показал на оттиск на пергаменте древнего знака Новгорода в виде направленного вверх «трезуба». – Это пропуск, полученный для прохода по вашим землям от ваших послов. Этого тебе, надеюсь, достаточно?

Ратибор внимательно взгляделся в пергамент и с достоинством кивнул.

– Достаточно, князь. Однако суда ваши всё равно досмотреть надобно.

– Наум, останешься за меня тут и проверишь все ладьи. Лишнего тут не усердствуй, как-никак, к нам посольство идёт. – Кивнул боевитый посадник своему немолодому десятнику и опять повернулся к литвинам. – Вам с самой ближайшей свитой дозволен будет свободный проход в посад, на торжище да и в саму крепость. Я вас туда лично провожу. Всем же остальным людям, прибывшим с тобой, князь, прости, но придётся пока пребывать на пристани, ибо наша крепость есть порубежная твердыня, а по вам особых указаний для нас пока что не было.

– Хорошо, – согласился Миндовг и отдал распоряжение стоявшему рядом шляхтичу: – Марич, покажешь человеку посадника наши суда. Тут он при своём праве, так что вы не препятствуйте ему и видите себя чинно.

– Убрать оружие! – крикнул выступающий впереди свиты посадник. – Всем на стены, усилить караул на пристани!

* * *

После Холмской крепости, дня через три пути, возле впадающих в Ловать малых речек Гусинец и Вилень караван застигло ненастье. Налетевший резко ветер поднял большую волну

---

² Август.

и чуть было не свернул мачты. Паруса успели спустить и шли теперь вниз, только лишь влекомые течением. А потом всё небо заволочло сплошными тучами и на землю хлынул проливной дождь. Остановку сделали в небольшом селце Рамушево, расположенном в устье речушки Вилень. Хорошего приюта оно дать путникам не смогло из-за крайней своей бедности, и на следующий день посольство продолжило путь дальше. Впереди в двух днях пути было уже огромное озеро Ильмень, а там, если не будет сильного волнения и шторма, покажется уже Волхов и сам Новгород.

* * *

Потоки воды обильными ручьями сбегали с городской возвышенности в реку. Пятый день уже не прекращался этот дождь, с избытком напитав землю влагой. Для самого литвинского князя был подан конь. Вся остальная его свита шла следом, хлюпая по грязи сапогами и поднимаясь от пристани в сторону Ярославова дворища.

– Здрав будь, князь Аушкайтов и Литвы Миндовг, сын славного князя Довгерда!

Новгородский князь Ярослав при боярской свите встречал прибывших на вершине лестницы терема. Был он одет в корзно, в мантию ярко-синего цвета, накинутую на красный кафтан и забранную золотыми застёжками-фибулами с яркими камнями. Штаны его были заправлены в мягкие красные сафьяновые сапоги, а на голове была надета алая, вся в золоте и в самоцветах шапка, отороченная собольим мехом.

Всё во время важных приёмов было продумано до мелочей. Князь-воин Ярослав, представляющий сейчас высшую власть сильной и богатой Северной Руси, принимал у себя князя племён Аушкайтов и Литвы, только ещё собирающего под свою руку многочисленные местные племена.

– Поднимайся наверх ко мне, Миндовг, сын Довгерда! Нечего славному князю под дождём мокнуть. – Улыбнулся Ярослав и, немного подумав, сделал сам шаг навстречу.

Прибывший и уже изрядно промокший Миндовг, нахмурившись, огляделся вокруг. Затем он посмотрел вверх и, увидев, что на хозяина, вышедшего из-под навеса, также как и на него, сейчас льёт, как-то легко взбежал по лестнице и подошёл к русскому князю.

– Здрав будь, русский князь Ярослав Всеволодович, великий полководец и защитник своей земли! Я пришёл к тебе с вечным миром и с предложением о дружбе!

Оба князя пристально взгляделись в глаза друг друга, а потом как-то само собой спонтанно обнялись на верхней площадке.

– Ух, – явственно послышался вздох облегчения от всей многочисленной свиты, что с обеих сторон окружала место встречи властителей. Дело будет! Первый миг – он всегда самый важный при такой личной встрече, и он начался сегодня, как видно, со взаимной симпатии. Теперь же осталось только вести вдумчивые посольские разговоры и договариваться.

– Пойдём в терем, князь, нечего нам тут на улице мокреться, вон какое ненастье-то на дворе ноне стоит! – и Ярослав, развернувшись, первый шагнул вовнутрь дворца по расстеленным коврам дорожкам.

В этот день по обоюдному согласию было решено «о важном» пока не говорить. Гостей радушному хозяину следовало хорошенько угостить да повеселить, за этим делом в самой непринуждённой обстановке можно было просто познакомиться, ну и подготовить почву для дальнейших серьёзных переговоров.

– Прости, Миндовг, на охоту не могу я тебя позвать, – обратился к литвинскому князю Всеволодович. – Вон ведь какая мокреть-то вокруг нынче. В такую-то погоду добрый хозяин и худую собаку даже из дому не выгонит. Да и зверь, небось, не дурак, весь сейчас по чащобам дремучим залёг. Будем под крышей лучше пировать.

– Хорошо, князь, – на довольно чистом русском ответил ему Миндовг. – Погода обязательно наладится, а для соседей главное – чтобы наладилась их дружба. Мы ещё успеем хорошо поохотиться, Ярослав. У нас на Немане зверя тоже много.

– Добро-о, – протянул Ярослав. – И у нас его немало, но твоё приглашение, Довгердович, я принимаю! Пошли, пока тут столы накрывают, я тебя по всему дворищу вокруг проведу, тут у нас везде переходы крытые. Мне вон недавно сарадины красивых скакунов из Аравии привезли, племенные жеребцы – просто сказка, а не кони! – и князь аж причмокнул в восхищении. И оба правителя в сопровождении самой малой свиты отправились, так сказать, «на экскурсию», осматривать «местные достопримечательности».

«Есть контакт! – подумал Сотник, пропуская процессию. – Впереди ещё будет пир, а наш-то князь, видать, ещё тот психолог, похоже, что мосты наводить он хорошо умеет. Вот и надеяться можно, что с литвинами всё сладится».

Мимо него как раз проходил Миндовг и, оглядывая стоявших у стен, он вдруг натолкнулся на взгляд Андрея. Всего пару мгновений длился этот зрительный контакт между ними, но Сотник отчётливо понял – его признали!

Сзади тихонько потянули за рукав, и Андрею шепнули в ухо:

– Иванович, мне на пару слов бы тебя нужно, это важно!

Рядышком стояли его ветераны Будаи с Варуном.

– Что у вас тут приключилось? – встревоженно спросил друзей Сотник, когда они отошли от людного места подальше. – Пришибли, что ли, кого невзначай?

– Да нет! – успокоили его ветераны. – Командир, ты помнишь, я тебе про одного шляхтича рассказывал, которого в первом набеге под Казариным в полон взял, а потом с него всё про литвинское войско выпытал? Так вот, этот шляхтич, коего Маричем зовут, он тоже здесь, в этом же самом посольстве состоит, – докладывал Сотнику Будаи. – Я ему серебра тогда ещё дал, все, что у меня было с собой, отсыпал, а чтобы подозрение у своих от него отвести, аккуратно так плечо ему просадил и пообещал, что мы его потом обязательно найдём.

– Да, как же, помню, ты мне про него после вашего возвращения рассказывал, – подтвердил Андрей. – Думаю, что и он про это тоже не забыл. Должно быть, пригодилось ему твоё серебро, и та рана, которую он в «геройском бою с русскими» получил, знать, ему тоже весьма даже к месту прилась. Видно, в рост сей «отважный герой» пошёл после того набеге, и уже позже к Миндовгу даже в саму свиту он смог пробиться. Тогда делаем так, друзья: сейчас в пиршественных залах терема накроют столы, потом будет большое застолье с обильными возлияниями. Вы там особо хмельным-то сами не увлекайтесь, а постарайтесь-ка этого шляхтича в удобном месте подкараулить да хорошенько эдак с ним с глазу на глаз поговорить. Я знаю, у вас это хорошо получается при желании, только глядите, чтобы аккуратно всё было, как-никак это же человек от посольства. Хорошо припугните его для начала, напомните былое, а потом уж и расспросите про весь расклад да по всем делам у литвинов. Что хотят они от нас, чего боятся, с кем и против кого дружить в будущем мыслят, об чём торговаться и до каких пределов думают? Да и вообще, не затевают ли они чего «втихую» за нашей спиной, прикрываясь сами красивыми словами о дружбе? А уже потом, в самом конце вашей беседы, непременно заплатите ему и пообещайте, что наши люди его обязательно найдут и потом ещё много серебра принесут, особенно если он чего-нибудь им полезного для нас там расскажет. Тут серебра, братцы, жалеть ну никак нам нельзя. Это серебро может много крови русской сберечь.

* * *

Пир по случаю приезда высокого литвинского посольства проходил, как это и было принято на Руси, с большим размахом. Он должен был показывать богатство самого хозяина и его

подвластных земель, а также его отношение к своим гостям. Такие пиры могли способствовать сближению сторон, и были они сначала прелюдией, а затем и итогом самих переговоров.

Как и предписывала старорусская традиция, каждый из званых гостей рассаживался согласно занимаемого им положения, и не дай Бог тебе было влезть выше своей «жёрдочки», заняв место более почётного гостя, обида тут была страшная! Поэтому рассаживали всех в залах особые распорядители. Место Сотника было возле главного – Большого стола, где сидели самые первые княжьи люди. И Андрей заметил уже немало косых взглядов от местных бояр, сидящих «пониже» его. Но на то была воля князя, и прилюдно против «русского барона» никто ничего сказать не посмел.

Сами князья сидели за отдельным столом на Большом, возвышенном месте, с которого можно было видеть любого из здесь присутствующих.

Первые тосты, как водится, были подняты во славу святой Софии и батюшки Господина Великого Новгорода, за земли Литвы, за здоровье князей и господ, и первых, лучших боярских людей, за доблестное воинство и за мир между двумя державами. Тостов было много, и пили все на пиру от души!

Среди первой подачи блюд традиционно на Руси шла кислая капуста с сельдями и икра в разных её видах, от белой свежесолёной и красной малопросоленной до чёрной от крепкого посола. Её подали вместе с уксусом и с прованским маслом. Тут же навалом шли балыки с вяленой белорыбицей, осетриной и белужиной. Потом шла ботвинья, жареная паровая рыба, уха нескольких видов, мясо множества сортов и видов готовки, открывали же всё жареные лебеди и павлины, подаваемые на больших золотых блюдах, торжественно проносимых по всему залу. Вслед за «царскими» птицами богатырского сложения слуги несли зажаренные на вертелах туши оленей, кабанов, косуль, лосей и даже быков. После целно зажаренных туш демонстрировались и кулинарные диковинки, например, тушу животного умудрялись изготовить наполовину варёной, а наполовину жареной и всю её набивали тушёными овощами, фруктами и птицей. Всё это хорошо сдабривалось соусами и маринадами.

Питие на княжьих пирах было обильным, одних только медов здесь было с десятков самых разных видов и на любой вкус, от самых лёгких и светлых до тёмных, крепких и густых, выстоянных десятилетиями в глубоких подвалах да в огромных дубовых бочках и заправленных потом всякими пряностями. Подавали также на столы пиво олуй, настойки из местной ягоды и завозной вишни, а кроме того иноземные западные и византийские вина. Всё это разливалось по кубкам прислугой – чашниками. Так как при обилии тостов всё полагалось пить до дна, то многие здесь упивались безмерно. За этим здесь тоже следили специальные слуги, выводившие гостей «проветриться», а коли было нужно, то и «опорожнить желудок», ну и т. д.

Как русских, так и иноземных гостей, пришедших с литвинским посольством, угощали традиционно щедро и весьма настойчиво. Даже у Андрея, подготовившегося к этому загодя и принявшего заранее специально выделанного угля, да ещё и выпившего за три часа до пира граммов сто крепкого алкоголя, чтобы настроить свой организм, и плотно потом поевшего жирной пищи, к середине пира замутилась голова. Что уж тут говорить обо всех остальных гостях?

Вот стольник-распорядитель взмахнул призывно, и двое дюжих слуг подхватили под руки от стола напротив упавшего в общее блюдо с карасями очередного литвинского шляхтича. «Уморился, сердешный, и это уже, наверное, третий!» – подумал Андрей, наблюдая, как его аккуратно транспортируют «подышать свежим воздухом». А от дальнего конца столов в это время привстали разом двое бригадных ветеранов Варун с Будаем.

«Ага, а ведь это похоже на то, что выводили как раз-таки нашего шляхтича. Вот тебе и раз, а ну как при такой-то его крайней “усталости” с ним теперь разговор не состоится, и где нам его потом искать? Ладно, посмотрим, как получится», – и Андрей «сосредоточился на прослушивании местного фольклора».

*Ой да выходил Садко на круты берега,
Да пошёл Садко подле синя моря,
Нашёл он избу великую,
А избу великую, да во всё дерево,
Нашёл он двери, в избу пошёл.
И лежит на лавке царь морской:
«А и гой еси ты, купец – богатый гость!»*

Перед гостями играли три деда-гусяра в длинных светлых одеждах, с большими седыми бородами. Мелодия и их голоса перебивались шумом изрядно подвыпившего общества, и они сейчас играли уже больше для себя. Самое популярное сказание здесь было про «Садко», местного героя былин, начинавшего свой путь с гусяра-сказителя, зарабатывавшего этим на жизнь, играя на праздниках. В этой части былины он направился поиграть на гусях к Ильмень-озеру, дабы отвлечься от печали.

Уже более часа, не прекращаясь, шла эта старинная песнь, и казалось, что деды готовы ещё столько же петь, пересказывая все злоключения и подвиги Садко.

Андрея отвлёк громкий голос, раздавшийся от Большого места:

– Хочу передать сей кубок с вином фряжским в дар славному воинскому начальнику новгородскому Андрею, сыну Ивановичу, в знак своего особого расположения и за большие его ратные заслуги перед Нами! Только вот недавно вернулся он из заморского похода дальнего, где взял крепость наших обидчиков шведов. А до того его люди вместе с союзниками из племени Карелы и Ижоры хорошо проучили набегников, рвавшихся к Ладоге. Здравия тебе, барон русский и Любекский Андрей! Многие лета и славных побед над врагами нашими! – и князь прилюдно отпил из золотого в камнях кубка, передав его затем главному стольнику. Тот бережно, мелкими шашками, неся перед собой сию драгоценную посудину так, чтобы даже ни капли на пол не пролить, подошёл к отмеченному высочайшим княжым вниманием и осторожно передал её Сотнику в руки.

«Да-а, а тут, пожалуй, ведь где-то около целого литра будет, – подумал Андрей. – Ну, теперь-то уж точно – прощай, разум!» – и он, держа обеими руками кубок, начал вливать его содержимое глоток за глотком в себя.

– Э-э-эх! – Андрей перевернул тяжёлую чашу, и последние капли упали из неё ему прямо в рот! – Благодарствую покорно, князь! – и Сотник, демонстративно потрясая пустым кубком, сделал поклон Ярославу.

– Любо! Любо! – раздался громкий хор голосов по всему залу. – Добрый воин Сотник, по делам славным его и ему такая честь!

Основная масса гостей совершенно искренне радовалась такому вот прилюдному признанию заслуг Андрея. Но много было и таких, кто сидел сейчас за столами с самыми кислыми лицами и недовольно что-то там про себя ворчал. Ну да ведь всем же не угодишь!

На высоком пиру особо почётным считалось получить кубок с вином или же блюдо с княжьего стола. А если из этого блюда прилюдно ещё отведал и сам князь или же он отпил из этого кубка, то это уже была наивысшая честь!

Неменьшим почётом слыло получить от князя, так сказать, «обед на дом». Это был вообще отдельный ритуал, когда специальные стольники и теремные слуги прибывали в дом к облаканному высшей милостью и приносили с собой всё, что было нужно для обеда. Ну, разумеется, кроме самой мебели.

Государевы слуги торжественно накрывали стол, расставляя на нём всевозможные яства и напитки. После этого старший стольник из особой «княжьей» фляги наливал в кубок вино и с особыми «величальными» словами вручал его хозяину от имени самого князя.

Андрей присел на лавку и закусил только что им выпитое эдаким хорошим ломтём копчёного осетра. В голове начало «пошумливать» гораздо сильнее. «Да-а, такими объёмами я здесь пить хмельное ещё не привык. И где же этого шляхтича с его бравыми ветеранами носит?! Ещё час-другой вот такой вот пьянки – и тогда меня самого придётся “проветриваться” выносить», – подумал Сотник, налегая на закуску.

* * *

– Идите, любезные, идите уже! – Будай с Варуном сами подхватили под руки мычащего что-то невразумительно литвина и кивнули теремным служкам на высокое крыльцо. – Там вона ещё пара человек под боярский стол свалилась, как бы не затоптали ненароком таких высоких гостей. А этого уж мы сами проветрим, то дружок наш давний, так ведь, Марич?

Шляхтич что-то опять замычал и затряс хмельной головой. Слуги понятиливо кивнули, развернулись и побежали к крыльцу.

– Ну, всё, работаем!

Варун тихонько, с каким-то хитрым переливом свистнул, и от длинного строения, еле различимого в вечерних сумерках и в дождливом мареве, вынырнуло разом три фигуры в длинных кожаных плащах.

– Лучше туда, командир! – Кивнул за плечо Родька. – Там конюшня стоит безлюдная, мы уже всё в округе возле неё проверили, и освещается она, кстати, чуток – двумя светильниками изнутри.

– Добро, – согласился Варун. – Давай, Властиборович, понесли его по-быстрому через двор! А вам, Родька, в оба глаза теперича глядеть, чтобы ни одна душа не прошмыгнула к нам в конюшню! – и ветераны потащили «мотающуюся тушку» в строение.

– Ванька, тебе там задний вход приглядывать! Калева, мы с тобой здесь, у головного, схоронимся! – отдал команду старший пластун, и фигуры Андреевских разведчиков пропали разом, также как и появились, словно их тут только что и не было.

– Охолони-ись! – прорычал Варун, окуная по самые плечи шляхтича в большую кадуюшку с водой. – Раз, два, три, – просчитал он вслух и вытащил хмельного наружу за шкуру. – Видишь меня? Видишь? – Литвин только мотал головой и что-то такое невразумительное бормотал.

– Опохмели-имся! – пробасил Будай, и они вдвоём с другом вновь опустили своего подопечного головой в кадуюшку.

– Раз, два, три... – На пятом счёте из глубины пошли пузыри, «ныряльщик» забил ногами и попытался было выдернуть голову наружу.

– Ра-ано пока, мило-ой! – пробурчал Варун и с силой втолкнул вынырывающий затылок обратно в кадку. – Девять, десять! Ну что, пока что для начала хватит!

Марич сидел у кадуюшки, тряс головой, разбрызгивая вокруг воду, истошно кашлял и что-то там причитал тонким сиплым голосом.

– Русские свиньи сполна заплатят за такое дурное обращение со мной, – наконец-то смогли разобрать его бормотание ветераны.

– Ух ты! Трезвеет уже паря, даже лаяться вон начал, – глубокомысленно изрёк Будай. – Ну что, чтобы уж совсем бедолаге полегчало!.. – и шляхтича опять макнули в воду. Тот сразу же начал отбиваться изо всех сил, пытаясь вырваться из таких цепких рук русских воинов.

– Раз, два, три. – Держа за длинные волосы на затылке, резко макал его в кадуюшку старший разведки. Наконец «ныряльщик» умудрился-таки извернуться и резко лягнул его, попав в бок. Фотич тут же выдернул купальщика и бросил его на покрытую прелой соломой и навозом землю.

– Гляди-ка, протрезвел ведь, зараза, мне вон даже бочину ногою прошиб, ну, значит, совсем ожил.

А литвин в это время лежал ничком на соломенной подстилке конюшни и содрогался всем телом. Его колотило и беспрестанно рвало, а этот кислый противный дух человеческой блевотины перебил все местные и такие привычные уже запахи, исходящие от гнилой соломы, конского пота и навоза. Наконец-то судороги прекратились, шляхтич поднял голову и, лёжа на полу, начал шарить у себя на поясе.

– Ну, начинается, – проворчал Варун. – Похоже, что обидели мы его с тобой, Властиборович. Не понравилось нашему гостю такое лечение, – и он кивнул на глядящего с яростью и злобой литвина. – Ты никак это искал, что ли, а, воин?

Чуть в сторонке на перевёрнутом деревянном ведре лежала сабля и нож-засапожник.

Шляхтич подобрался и с шипением резко выпрыгнул из нижней стойки в сторону этого ведра.

– Бум! – Удар ноги Варуна пришёлся ему прямо в бок, в область печёнки, и Марич, широко разевая рот, снова скорчился, лёжа на полу.

– Ты его, часом, не зашиб там, Фотич? – озабоченно протянул Будаи, присаживаясь на корточки рядом со стонущим.

– Да не-е, оклемается, поди! Зато теперь-то он уж точно очухался, – уверенно протянул в ответ Варун. – Видел, как своё добро бережёт? Словно рысь снизу к нему выпрыгнул. Шустрый!

Минуты через три литвин задышал уже ровнее и присел на корточки. Его затравленный и злобный взгляд прекрасно передавал все испытываемые им к ветеранам чувства. Марич сплюнул тягучую слюну и с каким-то подвыванием заговорил:

– Свинорылые, грязные, вонючие русские пожалеют, что вообще родились на этом свете от своих завшивленных и дурных матерей. Они покаются, что посмели прикоснуться к человеку Миндовга! За поругание его чести и чести его князя их ждёт самая страшная смерть, и они ещё будут умолять о ней, сидя на колу. Но он не даст им её, нет, они будут умирать медленно и в великих муках!

Бах! – Первая затрещина опрокинула его снова на пол.

– Это тебе за свинорылых русских, – зло выговорил Варун.

Шляхтич напрягся и постарался снова вскочить на ноги.

«Тресь!» – и он снова покатился вниз.

– Это тебе за враньё, гадёныш! Мы, в отличие от тебя, крыса помойная, сейчас чистые и хорошо пахнем, ты вон на себя лучше взгляни! – и он с размаху влепил ему под дых. – А это тебе уже за наших матерей! Никто и никогда не смеет их оскорблять, тем более уж такая падаль, как ты! Ты что же, никак думаешь ещё отсюда живым выбраться, да?! Ну ты и настоящий дурак, Марич! Всё-ё, каюк теперь тебе здесь пришёл! Лучше молись своим языческим богам, пока у тебя ещё есть немного времени!

Шляхтич сжался и перевёл взгляд с одного на другого русского.

– Меня нельзя убивать! Я человек из князьего посольства! Меня все будут искать! – как то шепеляво забормотал он. – Вас обязательно найдут, а потом казнят!

– Нет, Марич, никто тебя не будет искать. Всё подворье уже перепилось вдрызг вместе со всеми слугами, а в залах сейчас идёт самое веселье, и там всю гремит музыка. Конюшня эта плотно закрыта, а на улице идёт дождь, который заглушит любой шум отсюда. Ты же сейчас просто захлебнёшься водой в кадке, как это только что недавно и делал, а потом мы тебя положим в твою же блевоту, и уже утром, когда тебя здесь найдут, все решат, что ты просто в ней захлебнулся с перепоя. Согласись, какая славная смерть для благородного шляхтича! – и страшные русские придвинулись ближе.

– Узнаёшь меня, Марич? – и тот, чей голос был литвину действительно смутно знаком, снял с опорного бревна конюшни тусклый светильник.

Марич пригляделся и узнал в нём того страшного русского воинского начальника, который пленил его три года назад в самом первом набеге на Русь, что закончился затем смертью многих его товарищей.

– Да, я узнал, я узнал тебя. – Забормотал он с надеждой. – Зачем вам меня убивать? Ведь я уже был вам когда-то полезен! У меня есть с собой серебро, заберите его себе всё, но оставьте мне жизнь!

Словно сама смерть прикоснулась к литвину. Он понял, что русские сейчас с ним не шутят и он легко может уйти за кромку.

– Да зачем нам твоё серебро, Марич? У нас и своего в избытке, – усмехнулся Будаи и вытащил объёмистый и тяжёлый кошель. – Что ты ещё можешь нам предложить за свою никчемную жизнь?

– Я, я... – пробормотал литвин. – Да всё, что пожелаешь, господин. Ты ведь оставил мне её тогда, в самом первом нашем набеге, ещё и серебра с собой дал. Я и сейчас могу быть вам полезным.

– Ты? – Скривился недоверчиво русский. – Да что ты можешь знать? Ты же просто мелкая сошка в большой княжьей свите. Когда ты в ту, в нашу первую встречу мне пел, от тебя хоть какой-то ещё толк был, а наша дружина в тот раз смогла взять много крови от твоих соотечественников. А сейчас мы, похоже, просто здесь зря теряем время, – и русские шагнули к шляхтичу.

– Подождите! Я знаю много! Я вхожу в княжескую свиту Миндовга и помогал ему принимать посольство от рыцарей-крестоносцев и от Дерптского епископа. Я многое слышал из тех переговоров, и они касались нападения на Полоцк и Псков!

– Так-так-так. – С сомнением покачал головой Будаи и посмотрел на Варуна. – Ты думаешь, ему можно верить, Фотич, и он сейчас нам говорит правду?

– Ну-у, я не зна-аю, – с мрачной улыбкой протянул разведчик. – Не верю, я ему что-то, друг. Вон в прошлый-то раз он наше серебро себе взял, а сказал совсем мало. Уж лучше притопить его здесь, заразу. Хотя гляди сам, если он сейчас много расскажет, так, может, и пусть пока поживёт ещё? Глядишь, и правда вдруг сможет наперёд быть полезным да ещё и серебра для себя заработает, – и достав из ножен свой кинжал, он резко сорвал пучок волос с головы собеседника и с каким-то глубокомысленным видом чиркнул по нему лезвием. Дамаск срезал их, а отшатнувшийся от неожиданности шляхтич ещё больше побледнел.

– Ну, говори, – с каким-то сожалением в голосе выдохнул Властиворович. – Только ты уж говори всё, что знаешь, и безо всякой утайки. Тебе сейчас хорошо-о-о нужно постараться, Марич.

Шляхтич судорожно кивнул и, присев на корточки, заговорил.

В их землях полным ходом шло объединение десятков больших и малых племён из балтских, русинских³ и финно-угорских народов в одно большое межплеменное, а по сути – уже даже и в государственное объединение. Основными и самыми сильными племенами в этом «котле народов» выступали племя Литва, Аукшайты, Селы, Ятвяги, Курши, Голядь и Жемайты.

Единения между ними сейчас не было. Основными центрами силы выступали двое. Это князь Мацей, который подобрал под себя после гибели князей и старшин все рода племен Селов и Куршей. А также Миндовг, объединивший вокруг себя племена Аукшайтов, Литву, Жемайтов⁴ и проживающих на их землях ещё издревле славян-русинов.

Оба лидера пытались договориться со сближившимися между собой племенами Ятвягов и Голяди, которые сами тяготели со своей стороны к союзу с балтскими пруссами.

---

³ Славянские.

⁴ Жмудь.

Между всеми этими тремя союзами племён были серьёзные противоречия, главным из которых выступало то, против кого им быть и чью же сторону силы принять. Ибо самим, в отдельности против сильных внешних врагов было им уже сейчас не выстоять.

Мацей был близок к тому, что дружить нужно с крестоносцами, и даже рассматривал саму возможность допуска на свои земли латинянских священнослужителей.

Ятвяги с Голядью держались за свои старые, исконные и языческие обряды и верования. Свою независимость они блюли жёстко и были готовы воевать до последнего и со всеми вокруг, а в первую очередь – с немецким Тевтонским орденом крестоносцев, «отъедавшим» понемножку земли у пруссов и уже присматривающимся к ним.

Князь Миндовг из всех вышеперечисленных был самым осторожным, и он старался прежде всего подобрать всех под себя без большой крови и был готов дружить со всеми теми, кто мог бы ему помочь усилиться и создать могучую независимую державу во главе с самим собой.

С Полоцком у них дружбы пока не получилось. Князь Святослав Мстиславович после Усвятского побоища отшатнулся от литвин и сам, будучи родом из ветви Смоленских Ростиславовичей, сдружился с князьями Смоленскими, Торопецкими и Владимирскими. А теперь он заключил союз и с усилившимся Новгородом. Как ни пытался Миндовг склонить его посулами к общей войне против крестоносцев, отобравших ранее у Полоцка его нижние земли по Западной Двине, но полочане пока что были непреклонны. Воевать они теперь были готовы только лишь в союзе с русскими княжествами хоть против крестоносцев, а хоть бы даже против тех же литвин.

С Мацеем никакого согласия и быть не могло, ибо он, также как и его соперник Миндовг, считал себя претендентом на всеобщую власть и делить её с молодым и амбициозным князем категорически не желал. Прямой войны между ними пока ещё не было, но всё могло измениться в самое ближайшее время, как только станет ясно, что кто-то из них оказался слабее своего конкурента.

Ну и, собственно, сами крестоносцы. Вот эта информация действительно заслуживала всей той возни, что они здесь устроили со шляхтичем. Буквально за месяц до ухода Миндовга с этим посольством в Литву в град Вильно прибыли посланники от епископа рижского Альберта, послы от Ордена меченосцев и от епископа Дерптского – Леальского – Германа.

В грамоте, переданной князю, епископ Альберт представлялся как легат⁵ от самого Папы Григория IX, и он настоятельно рекомендовал принять все те предложения, что до Миндовга доведут послы. На протяжении целой седмицы велись эти непростые переговоры, но к какому-то определённом решению все эти стороны пока что ещё не пришли. Латиняне предлагали прочный мир и поддержку Миндовгу в его противостоянии с князем Мацеем. А в ближайшем времени они обещали военную помощь и против русского Полоцка, да и против других русских княжеств, если у Миндовга вдруг случится с ними конфликт. За всё это они просили пока допуск на литвинские земли своих священников и строительство на них небольших замков, в которых бы эти священники со своей небольшой прислугой и охраной проживали и откуда бы они могли проповедовать, как они выразились, «истинную веру». На следующий год Мацею предлагалось принять участие в военном походе крестоносцев на датские земли в северную Эстляндию. Местные племена язычников-эстов можно было бы хорошо пограбить, да и долю от добычи с датчан ему пообещали хорошую.

Племена Ливов и Латгалов уже изъявили своё желание выступить в этот поход, также как и псковчане, так что где-то в июне месяце можно было ждать общего сбора, назначенного под Ригой и Дерптом.

---

⁵ Представитель.

– Стоп! – вдруг рявкнул Варун, перебивая сбивчивую речь шляхтича. – При чём здесь вообще крестоносцы и наш русский Псков? Ты о чём тут речь ведёшь, а, Марич?!

Литвин испуганно пригнул голову. Он тут вообще ни при чём, но только самолично слышал, как оруженосцы из свиты рыцарей похвалялись, сколько они смогли выпить пива и мёдов, когда были на недавних переговорах во Пскове. Да и боярин из Пскова Никола Сырков, что только недавно встречался с его князем, так тот тоже поведал, что их высокие люди боятся прихода к ним новгородского князя Ярослава со своим войском. И что они не желают принимать участие в уже запланированном князем походе на немецкий Дерпт. Ибо видят в этом в первую очередь посягательства на свои древние вольности, коих могут лишиться с приходом такого боевитого и решительного властителя. И, дескать, уж им лучше держать руку иноземцев-латинян, потому как за ними нынче вся сила.

– Ну и дела! – только и протянул озадаченно Будай. – А ты, часом, не врёшь ли нам всё это сейчас, Марич, чтобы только вот себе цену набить, а? За такой навет можно ведь вмиг головы лишиться. Ты сам это хоть понимаешь?

– Да, конечно, я всё понимаю! – затараторил литвин. – А только так всё это и было на самом-то деле. И даже бумагу какую-то составили посланники папского легата и псковского князя Мстислава Давыдовича! В которой их замирение на времена вечные прописано.

– Однако, – одновременно протянули Андреевские ветераны. – Мы, значит, тут к новому походу готовимся на Ливонцев, а там свой русский Псков втихую за спиной с нашими врагами вовсю сговаривается. Ну и ну-у! Ладно, Марич, что ещё ты нам можешь рассказать?

Больше ничего важного от шляхтича они не услышали, так, мелкие придворные сплетни, и не более того. Разговор нужно было заканчивать, и так он уже затянулся сверх запланированного. Но уж больно интересные вещи им тут рассказывал этот литвин.

– Ладно, довольно здесь «воду лить», Марич! Самое главное, что нас интересовало, мы от тебя сейчас уже услышали, – остановил разговорившегося «собеседника» Будай. – Это тебе за интересные вести, с задатком на будущее, – и он протянул объёмистый, позвякивающий серебром кожаный кошель. – Имей в виду: если к тебе в Вильно пожалует от нас человек, то ты ему все новости, также как и нам сейчас, поведаешь. А уж он тебе за такую услугу вот к этому вот задатку и ещё столько же добавит. Узнаешь ты его по заветному слову. Он тебе скажет: «На Новгородском торгу шкурка белки в цене хорошо выросла, ну а куныя зато вниз пошла». А ты ему на это ответишь: «Так куниц-то ныне Карела много стрелой набила, вот и сбросила она оттого свою цену в четверть». Вот так вы другу другу и узнаете. Всё ли ты понял, Марич? Запомни же эти особые слова накрепко! – и Будай вновь медленно повторил обе заветные фразы.

– Коли будешь с нами дружить и пользу приносить, так богатым станешь. А с богатством большим и путь наверх у тебя будет гораздо легче. Ну а мы-то тебя всегда поддержим, – и Властиборович кивнул на бочонок с оружием. – Забирай своё железо, Марич, оправься как следует и на пир шагай, он сейчас в самом разгаре там. Да на нас-то обиду не держи, мы ведь из тебя весь здесь хмель выветрили, а ты ещё и сам подзаработал неслабо при этом, – и подмигнув, русские ветераны вышли из конюшни.

Шляхтич сидел в тусклом свете жирника на унавоженном, покрытом сеном и соломой полу и разглядывал кожаный кошель. Развязав на нём тесёмку, он высыпал часть серебра из него на ладонь. Были тут дирхемы с арабской вязью, лежало несколько серебряников Ярослава Мудрого с родовым знаком Рюриковичей, виднелись в кошеле и крупные деньги. Как минимум пять коротких ромбовидных киевских гривен длиной с палец и ещё несколько рублей – половинок от длинных новгородских гривен – лежали объёмной кучкой. Всё вместе в кошеле это серебро весило довольно прилично, и было оно большим богатством по нынешним меркам. Неподалеку в стойлах переступали копытами и фыркали лошади, а за стеной всё так же лил затяжной дождь. Марич вздохнул, поднял с ведра свою саблю с ножом, мотнул головой

и сплюнул сквозь зубы. А жизнь-то не так уж и плоха! Ему опять повезло, и теперь есть куда расти выше в этой иерархии. Ещё немного – и он отстроит на родовых землях у Немана свой собственный замок, и тогда с ним будут считаться все те, кто сейчас смотрит на него свысока. А русские... Ну что же, пусть это будут русские, те, кто принесёт ему так нужные средства. И отряхнувшись от грязи и соломы, он отправился в сторону высокого крыльца.

* * *

– ...И нашему послуху из свиты литвинского князя стало доподлинно известно, что псковский боярин Никола Сырков встречался с Миндовгом и за спиной у Новгорода вёл беседы об том, чтобы им совместно идти к союзу с Ливонцами. А также он сказал литвинам, что высокие люди Пскова вместе с их князем Мстиславом Давыдовичем не только в задуманный загодя поход на Дерпт не собираются, но даже уже какую-то совместную бумагу с латинянами подписали, которую им посланник папского легата доставил, – докладывал князю уже на следующий день Сотник.

– И что же в той бумаге написано? Твой посланник тоже о том ведаёт? – нахмутив брови, переспросил его недоверчиво Ярослав.

– Нет, князь, то он не ведаёт, ибо сам он её не читал, – признался Андрей. – Однако довёл он до моих людей, что там прописано про вечное замирение между Псковом с одной стороны и Орденом меченосцев с Ливонскими епископствами с другой.

– Не верю! Не верю я в то, что Псков осмелится от матери Руси и от Господина Великого Новгорода отойти. И что в капкан к латинянам он свою голову согласится сунуть, я тоже не верю! – Вскочил с места Всеволодович и, словно разъярённый тигр в клетке, заходил из одного конца светёлки в другой.

В комнате повисла пауза. Сидящие напротив Сотника воевода Фёдор Данилович с тиуном Якимом разом насупились и косились теперь неодобрительно на Андрея.

«Ну да, конечно, верные сподвижники князя, одной головой все они здесь привыкли уже думать. Для них есть только одно правильное мнение – Ярослава, все же остальные – изначально неверные и подлежат лишь дружному осуждению, – подумал он с досадой». Ладно, его дело было князя предупредить, а всё-таки всегда лучше все варианты наперёд просчитывать. И Андрей опять постарался убедить Всеволодовича повременить с зимним походом на Дерпт.

– Что если перед этим походом провести хорошую разведку во Пскове и попытаться там своих людей, что они слышали про всё это? Есть же люди, верные Новгороду, и в свите Псковского Мстислава, да и среди высшего боярства наверняка должна быть сильная проновгородская партия.

– Ты, небось, Иванович, своих людей не хочешь отдавать в поход, тогда так и скажи нам, – усмехнулся, пристально глядя ему в глаза, воевода. – Так-то мы и без твоих трёх сотен там сами вполне справимся. Устал, должно быть, после набега на шведский замок, жена молодая опять же тебя ждёт, – и он эдак криво сощурился.

Сотник вспыхнул и хотел было надерзнуть Даниловичу, но тут уже вовремя вмешался сам князь:

– Тихо! Вы тут на личное-то мне не переходите! Я Ивановичу верю! Но и ты меня, Андрей, уж пойми, целых два года я готовил этот поход на наш бывший Юрьев, а теперь на немецкий Дерпт, который латиняне в настоящее осиное гнездо превратили. Ну не может наш русский Псков не понимать, что не союзники они ему, а враги лишь смертные. Наверное, лживую вест твои послухи тебе принесли, ты уж осторожнее сам с этим будь. Я же после переговоров с литвинами оставляю на Новгородском столе сыновей Фёдора с Александром, а сам уже иду на Владимирский стол. Как ранее мы и обговаривали, в декабре месяце я вернусь сюда с Переяславскими и Владимирскими полками. Вам же, – и он посмотрел на Фёдора Даниловича

с Якуном, – готовить в поход местную новгородскую рать. Андрея Ивановича я с походом не неволю. Сколько он сможет, столько пусть и выставит своих людей.

«Хм, а ведь есть, проскользнул какой-то холодок у князя ко мне, – подумал Сотник. – Вот так вот нащепчет кто-нибудь про тебя “высокому начальнику”, а ты тут ему под руку своё мнение, отличное от его, выскажешь. И всё, сразу же в немилости окажешься. Ладно Ярослав, этот честной князь – воин, он привык в глаза смотреть и говорить всё то, что сам думает. А ну как какой-нибудь интриган был бы на его месте? Напоют ему, что комбриг много возомнил о себе и теперь вот к личной самостоятельности тяготеет, да ещё приплетут, что не уважает он княжью власть, что весьма плохо о ней отзывается. И всё, после очередного кубка на пиру, что тебе тут же с улыбкой преподнесут, загнёшься ты потом в страшных муках. Ну их! Домой хочу, в поместье своё! С женой и сыном побыть, с друзьями увидеться, да и хозяйством уже пора заняться...»

– На вечер у Высшего совета Господина Великого Новгорода назначена встреча с литвинским посольством. Пройдёт она на подворье у Владыки, – напомнил князь. – Но перед этим, на вчерашнем пиру, мы с Миндовгом уже порешили прежде между собой провести личную встречу. Так что с часу на час я жду его прибытия, а вам всем надлежит в ней тоже участвовать. Князь этот мне нравится, взгляд у него прямой, он его не прячет, не отводит в сторону, когда говорит. Вот и поглядим, до чего мы с ним сможем здесь договориться, прежде чем наши пустообрёхи на Большом совете будут балаболить. Всегда полезно личную приязнь иметь перед таким важным делом! – и он поучительно поднял указательный палец вверх.

Литвинов за столом переговоров было всего четверо, также как и самих русских, этикет то предписывал, и соблюдался он всегда строго и неукоснительно. Помимо самого Миндовга, напротив сидели моложавые, как и сам их князь, литвинские воеводы Радвил и Альгис. Тут же поблёскивал умными глазами и седобородый Гинтарис, отвечающий, как видно, за общие посольские дела и за связи с соседними державами. Все приветственные слова уже были сказаны, обычаи гостеприимства соблюдены, гости попотчеваны, и теперь оставалось только лишь договариваться.

– Мы хотим мира, – с небольшим акцентом произнёс Гинтарис. – У нас теперь нет повода для вражды с Новгородом и с его союзниками. Объединённой князем Миндовгом Великой Литве быть, как этого и хотел его славный отец Довгерд. Но нам противостоят племена, которые противятся нашему объединению в одну могучую державу. И ещё есть сильный враг, который угрожает и нам, и вашим Новгородским землям, – это Орден меченосцев, Тевтонский орден и вся Ливонская конфедерация. Сами мы со всеми ними пока не справимся, и нам нужна ваша поддержка. В противном случае если наши общие враги, объединившись, разобьют нас, то они потом обязательно придут и на вашу землю.

«Поэтому отдайте нам кровь своих воинов и деньги, много денег и много крови, – подумал Андрей. – Мир не меняется с веками, и опять русского Ваню будут пытаться заставить отстаивать чьи-то чужие интересы».

– Мы тоже желаем мира с тем союзом племён, что будет под рукой у Миндовга, – чётко выговорил Ярослав. – И мы сможем ему помочь в становлении его единой, сплоченной князем державы. Но где гарантии, когда это ваше новое княжество станет сильным, что оно не забудет всё наше добро и не повернёт свои копыта вновь против русских земель, как это уже не раз уже было прежде?

Миндовг при этих словах русского князя нахмурился. Как видно, напоминание о не таком уж и далёком поражении до сих пор глодало его изподволь, и он, похоже, так до конца и не свыкся с этой горькой ролью побеждённого.

«Ох и не прост этот князь литвинский, ох и не прост! – думал, разглядывая его со стороны, Сотник. – На двух, а то даже и на трёх стульях он хочет сидеть. И будет уважать он всегда только лишь силу. Коли сильная Русь, значит, будет он ей союзником, ну а как ослабнет, так

отъест столько от неё, сколько в его пасть поместится, и даже при этом не поморщится». И Андрей непроизвольно стукнул костяшками пальцев с надетыми по такому случаю перстнями по дубовому столу.

Миндовг перевёл взгляд на лицо Андрея, затем он оглядел его руки. На среднем пальце у Сотника блестел большой золотой перстень с изображением скачущего с мечом всадника.

– А что ты думаешь, Андрей, обо всём этом? Скажи мне честно. Я тебе верю, с тех самых пор, как подарил этот перстень, – и он кивнул на руку Сотника.

Андрей посмотрел на Ярослава. Тот чуть кивнул, и Сотник, поднявшись, по привычке одёрнул кафтан.

– Ярослав Всеволодович, Миндовг Довгердович, многоуважаемые гости и высокие люди-господа Руси. – Каждой из перечисляемых сторон Сотник сделал отдельный поклон, величая их, как и положено было по обычаю этого времени. – Простите, если я буду говорить сейчас прямо и, не желая того, вдруг сам кого-то из здесь присутствующих обижу. Русь пережила поражение от монголов при Калке, и теперь она восстанавливает свои воинские силы. Полного единства в её землях пока нет, но наши северные, центральные и северо-западные земли будут крепкими, и с годами они только лишь усилятся и устоят при ударах любых внешних врагов. А время придёт так, и вся Русь объединится, и не будет уже такой силы, которая бы её смогла стереть с земли. Я же в своём докладе перед вами исхожу прежде всего именно из этого. Из того, что Руси быть всегда, и что быть ей сильной и справедливой державой.

Великому княжеству Литовскому тоже быть, и держава эта постепенно вберёт в себя в основном все сейчас разрозненные балтские племена и народы. А князь, объединивший их, войдёт в самую историю, и о нём ещё долго потом слагать легенды будут, – и Андрей пристально посмотрел в горящие каким-то внутренним огнём глаза Миндовга. – Нашим державам суждено граничить друг с другом, и кем им быть – врагами или же соседями добрыми, – только вам, князья, и предстоит решить самим. Ибо с вас-то и пойдёт всё это и далее, в грядущие, неизведанные ещё века. И потомки наши на поле брани или в одном строю против общего врага будут стоять, или же они напротив друг друга встанут, и в этом случае кровь друг друга они потом веками лить будут. А враг у нас общий уже есть, и если мы не отнесёмся к нему со всей нашей серьёзностью, то быть для нас одной большой беде. Я говорю сейчас про тот немецкий натиск, который стальным клином идёт на восток, и во главе этого клина стоят такие военные католические ордена, как Тевтонский и Орден меченосцев. И хотя девиз последнего ордена гласит: «Помогать – защищать – исцелять», а по факту для всех их он – «Drang nach Osten», что в переводе с немецкого буквально «Натиск на Восток»!

О судьбе западных славянских народов, живущих от Лабы⁶ до Одры⁷ вы сами и так уже все прекрасно знаете. Где-то около полувека прошло, как нет на земле племён Лютичей, Бодричей и Лужичан. Они или уничтожены, или же утратили свою народность, покорённые, а затем и растворённые своими завоевателями. Такая же судьба сейчас ждёт и племенной союз пруссов. За него сейчас всерьёз взялся немецкий Тевтонский орден. Теперь там крестоносцы отстраивают опорные крепости и замки, занимая в них до поры до времени оборону. Они ведут латинское миссионерство, ищут слабые звенья между отдельными племенами, а потом уже начинают действовать по древнеримскому принципу – «разделяй и властвуй»! Сейчас между собой стравливаются западные пруссы: Кульмы и Помезаны, восточные Барты и Надрувы, и все они вместе и заодно с рыцарями уже воюют теперь с северными пруссами: Сембами, Погудами и Натангами. Помяните моё слово, уважаемые: пройдёт всего лишь век – и вовсе не станет такого народа, как пруссы. Его ждёт похожая с полабскими славянами судьба. А потом придёт и ваша очередь, – и Сотник кивнул в сторону послов, – а также и очередь нашего русского

---

⁶ Эльба.

⁷ Одер.

Пскова, а возможно, что и Полоцка. И тогда случится то, что только недавно произошло с отбитым рыцарями городом Юрьевым, носящим теперь уже немецкое название – Дерпт.

Опять же вам свежий пример от наших самых близких соседей. Семь десятков лет назад к устью Двины, там, где жили ливы, прибило бурей корабль немецких купцов из Бремена. Они провели добрый обмен с местным населением, и этот обмен оказался очень даже выгодным для самих торгашей. После того купцы договорились с ливскими вождями от Двинских родов поставить на этом самом месте торговое поселение, и они даже за это заплатили им немного серебром. Скоро рядом с первым возникло ещё одно, а потом уже и третье укреплённое городище. Архиепископ Бременский, прознав об этом, с согласия самого римского папы направил к ливам для проповеди своих священников. И очень скоро на месте этих поселений возникло уже Ливонское епископство во главе с Мейнардом, которого потом сменил епископ Бертольд. Проповеди священников большого успеха не имели, ливы активно сопротивлялись проникновению католицизма и даже силой изгнали епископа Бертольда с их земли. Вот тогда-то Папа и объявил первый крестовый поход против ливов. В 1198 году от Рождества Христова войско крестоносцев высадилось в Ливонии, разбило войско ливов и заставило их креститься огнём и мечом. На этих землях было основано много крепостей, а для защиты и натиска на восток был основан военно-религиозный Орден меченосцев. Также как и ливы, вскоре было подмято под латинян и ещё одно прибалтийское племя – латгалов. Сопrotивляющиеся вожди и население здесь попросту уничтожались, а все, кто покорялся, становились по факту слугами завоевателей. Сейчас укрепившиеся ливонцы ведут свой натиск на север, где они столкнулись с сопротивлением племён эстов и Датского Эстляндского герцогства. Быют они также и на восток, на Русь, где уже уничтожены вассальные полоцкие княжества Куkenос и Герцике, а у нашего Новгорода отбит город Юрьев, и теперь уже на очереди стоит Псков. Ну и, конечно же, давят ливонцы в последнее время на юго-восток, где балтские племена объединяются в свою единую державу, надеюсь, что под вашей рукой, князь, – и Андрей поклонился Миндовгу.

– Ты считаешь, Андрей, что у Литвы мало своих сил и мы не сможем за себя постоять против немецких рыцарей? – усмехнулся князь.

– Нет, я так не считаю. – Покачал головой Сотник. – Но их может стать гораздо меньше, если вы войдёте в союз с крестоносцами, которым не нужен такой сильный сосед, как вы. Вас непременно используют в войне с врагами ливонцев, а когда вы обескровите свои силы, то уничтожат уже и самих.

– А русским разве нужна сильная Литва? – Уставился ему прямо в глаза Миндовг. – Зачем вам, русским, нужен ещё один сильный сосед?

– Я не могу отвечать за всех русских князей, но полагаю, что ваша земля Руси не нужна, – твёрдо ответил ему Сотник. – У Руси есть где прирастать и без этого и есть от кого отбиваться и с кем ратиться, – и заметил краем глаза, как при этих его словах согласно кивнул князь Ярослав. – Не поддавайтесь, князь, на посулы латинян, не нужно вам втягиваться в их войну с эстами и с Эстляндским герцогством! Вам нужны ваши живые воины, чтобы объединить свои земли, – глядя в глаза Миндовгу, медленно проговорил Андрей.

За столом повисла пауза. Миндовг не выдержал и отвёл свой взгляд.

– Ты многое знаешь, Андрей, – проворчал он. – Но я и сам пока ещё ничего не решил. Мне, как великому князю, нужны деньги и воинская слава. Очень много нужно и того, и другого, а где всё это добыть, как не в большом воинском походе? На восток-то уже не пойдёшь, там я опять с тобой встречусь, – и он криво усмехнулся.

– Это да-а, – протянул Сотник. – На востоке добычи и славы вам нет.

Теперь уже сам русский князь негромко фыркнул и громко крикнул в дальнюю часть залы:

– Эй, что-нибудь там горло принесите смочить, да побыстрее чтобы! Ну, всё, Иванович, ты все, что хотел, уже сказал?

– В целом да. – Кивнул тот и присел на скамью.

– Ну что же, спасибо за такой подробный сказ. – Кивнул Ярослав. – Значит, это всё-таки правда, что Литва собиралась идти в поход на северные земли эстов и во владения датчан совместно с крестоносцами?

Миндовг засопел и заёрзал на высоком почётном кресле.

– Я уже сказал, князь, что ничего ещё пока не решено. Но посольство от Рижского епископа Альберта, да, было у нас этим летом. И латинянами нам было предложено идти в совместный поход на север. Ответ епископ будет ждать до христианского праздника Пасхи, именно после неё и будет собираться объединённое войско под Ригой и Дерптом.

«В очень непростое положение попал Миндовг. Теперь и сам Ярослав видит, какую двойную игру затеяли литвины», – думал Андрей, наблюдая за нахмурившимся русским князем.

– Оставьте нас все, – наконец проговорил он. – Думаю, что нам лучше обо всём переговорить вдвоём с глазу на глаз. Я надеюсь, что после этого между нами уже не будет никаких недомолвок.

Миндовг молча кивнул, и его приближенные встали. Крепкие и боевитые с виду воеводы Радвил и Альгис выходили из залы легко, а вот седобородый и сутулый Гинтарис всё оглядывался, как видно, до последнего надеясь остаться со своим князем.

«Ну да, как же, не хочет дедушка, чтобы такие важные посольские дела здесь без него решались, – подумал наблюдательный Андрей. – Похоже, много что завязано у литвинов на нём». Но слово уже было сказано, и князья остались в зале вдвоём.

В горницу принесли небольшой столик, куда выставили кубки и закуску из копчёной и солёной рыбы, жареной на вертеле птицы и хлеб. Из напитков поставили кувшины с мёдом, пивом и тёмным квасом. Сюда же выставили пустые кубки и несколько серебряных тарелок. Все были сытыми, и к еде никто не прикоснулся. Радвил с Альгисом налили себе пиво, все русские плеснули по полкубка мёда и теперь молча цедили его, поглядывая друг на друга. Один лишь Гинтарис из всех ничего себе не налил. Он сидел как нахохлившийся старый филин, и его крючковатый острый нос ещё больше давал ему сходства с этой птицей.

Прошёл почти час, когда послышался призывный крик. Из небольшой горенки сбоку выскочили двое слуг и распахнули двери в зальную комнату.

Князья сидели за столом со светлыми лицами.

«Ну, значит, договорились с глазу на глаз, – удовлетворённо подумал Сотник. – Выходит, что быть миру с литвинами!»

Долго потом вместе не засиживались, всё действительно было уже князьями определено. Господин Великий Новгород помогал Миндовгу взять все южные балтские племена под себя и вылепить из всего этого сильную самостоятельную державу под управлением князя. Всем присутствующим было понятно «какого».

Пока помощь подразумевалась серебром, провиантом и оружием. Людей у Миндовга хватало и своих. И только при крайней опасности и нападении сильного внешнего врага предусматривалась отправка к нему в помощь русских дружин. Того же самого Ярослав ждал в ответ и от своих новых союзников. Сфера интересов будущего великого литовского княжества не распространялась на русские и на зависимые от них земли. Литвины также отказывались от готовящегося крестоносцами похода в северную Эстляндию и по прошествии двух-трёх лет, когда они разберутся со своими внутренними проблемами, должны будут выйти в большой общий поход с русскими на Ливонию. На пять лет купцы обеих сторон освобождались от всех таможенных сборов и платили только отдельный налог со всей торговли в княжью казну. В столице литвин Вильно и в их крупном городе Кярнаве, также как и в русских Новгороде и Пскове, будут теперь располагаться торговые дворы со своими особыми уставами и местным управлением. Русь свою веру Литве не навязывала, каждый был волен сам для себя выбирать,

во что ему верить и кому и как поклоняться. При изъявлении желания союзников прислать своих православных священников князь Ярослав обещал с этим помочь.

– Ну, Довгердович, нам осталось теперь лишь только породниться, – с улыбкой проговорил Ярослав. – У тебя вон уже Войшелек подрастает, небось, на коне не хуже батьки скакать научился? А у меня для него аж две невесты на выбор есть, хоть Мария, а хоть бы даже и Ульяна, каждая из них за такого славного княжича пойдёт. Правда, сопливые пока мои девки, Феодосия вон уже устала с ними нянчиться да в тереме воевать. Ну да придёт время – муж на место быстро их поставит, не забалуют у него, чать! – и он раскатисто расхохотался.

– Мал он ещё у меня! Только девятый год парню пошёл. – Улыбнулся Миндовг. – Но мысль твоя, Всеволодович, мне уже нравится, я думаю, что мы к ней ещё чуть позже вернёмся.

– Обязательно вернёмся, – подтвердил русский князь. – Ну что, уважаемые, теперь будем на Высший совет собираться? Осталось только теперь там все эти наши договорённости через одобрение высоких господ Новгорода провести. Ох и муторное же это дело, скажу! Я вон своему Ивановичу сейчас завидую. Он-то туда не ходок, пойдёт сейчас к себе на подворье – да к молодой жене под бочок. А нам ещё полночи в этом думном тереме париться.

Глава 5. На торгу

Митяй с Маратом прошли по мосту на Славенский конец, туда, где располагался огромный Новгородский торг. До отправления в усадьбу оставалась всего пара дней, а сидеть в батинском поместье без дела уже порядком наскучило. Оно было забито сейчас народом, что называется, «под завязку». Не было бы этого дождя – так можно было бы вырваться в лес, но теперь-то там, разумеется, делать было нечего.

Сотни людей, также как и парни, месили на торгу грязь, слоняясь по многочисленным купеческим рядам. Продавцы и зазывалы буквально из своих кафтанов выпрыгивали, пытаются хоть что-нибудь да продать из своего товара.

– Ах, какой короший парень! – Закатывал глаза приказчик из пруссов, наглаживая нитку с янтарём. – Если бы сейчас светило солнце, то я бы смог показать всё красоту этого ожерелья. Но, увы, этот дождь всё только портит, – и он зацокал в негодовании языком.

– Я возьму эти бусы за три ногаты, семь – слишком дорого для них. – Покачал головой Митяй. – Уступай – и мы будем с тобой в расчёте.

– Что он такое говорит?! – воскликнул торгаш. – Да такого янтаря больше уже никогда с Варяжского моря на берег не вымоет! Сейчас только одна тёмная смола из пучины выходит. Как будто бы море тоже грустит вместе с пруссами, вынужденными отстаивать свою землю от тевтонцев. А вот эту каменную смолу ещё при его отце Годукке вымыло на берег, и она теперь такая светло-жёлтая, словно мёд, с красивым красным отливом. – Прусс поднёс жировой светильник, и действительно, даже его маленького огонька хватило, чтобы показать всю красоту этого камня.

– Хорошо, только из уважения к твоему народу, что сдерживает натиск крестоносцев, я дам четыре ногаты, – проговорил спокойно Митяй. – Или если ты не согласен, так мы здесь найдём другого.

– Хорошо, хорошо, – согласился приказчик. – Только из уважения к молодому воину я сделаю ему такую большую скидку, – и прусс завернул бусы в отрез из фряжского полотна. – Невеста будет рада такому подарку! – и он подмигнул слегка покрасневшему парню.

Потолкались по оружейным рядам, Марату приглянулся простой с виду кинжал в кожаных ножнах. Был он без орнамента, без украшения и обережных знаков да надписей, какие зачастую наносились на такое холодное оружие. Только на его лезвии с обеих сторон стояло по правосторонней свастике. Он покрутил его в руке и спросил цену. На удивление молчаливый продавец с медным скуластым лицом и раскосыми глазами усмехнулся и на весьма плохом русском назвал цену кинжала:

– Этот стоит пятнадцать ногат, но тебе я продать за двенадцать, и ни ногата меньше, он есть из Тибет.

Маратка покрутил ещё раз этот кинжал, постукал по его лезвию ногтём и послушал звук.

– Хорошо, я беру его. – Кивнул он оружейнику и полез за пазуху доставать кошель.

– Неужели так хорош? – спросил друга Митяй, когда они отошли от оружейной лавки. – А с виду ведь совсем обычный, и на дорогой дамаск вовсе не похож. Нет в нём того особого узора стали.

– Хороший кинжал, – подтвердил Марат. – Я именно такой у своего дяди видел. Он говорил мне, что это редкий клинок из далёкой горной страны. Вот и этот купец подтвердил. Станный он какой-то, ты не находишь?

– Да купец как купец, тут кого только и из каких стран на торгу нет. – Пожал плечами Митяй. – Пошли-ка лучше подкрепимся, у меня в животе уже вон кишки парадный марш играют.

Неподалёку под навесом как раз расположились торговцы всякой снедью и напитками, и здесь же, укрываясь от дождя, можно было спокойно и без суеты перекусить.

– Ко мне, ко мне подходите! – призывно прокричала круглолицая баба в крашеном шерстяном платке и в меховой телогрейке. – У меня здесь всё горяченькое, только вот с пылу с жару, пироги из печи, сбитень с приправками острыми.

Тётка была с виду опрятнее, чем все остальные, и, рассчитавшись с ней за пироги с рыбой да за добрые кандюшки⁸ с горячим напитком, ребята привстали тут же под навес, чтобы перекусить и потом уже отдать посуду хозяйке.

Рядом стояло несколько новгородцев, которые, похоже, заканчивали свою трапезу и, видать, только что хлебнули немного хмельного. Оттого-то, небось, их разговор разносился теперь на всю округу.

Один коренастый и крепкий дядька в вывернутом вовнутрь мехом драном полушубке что-то громко доказывал трём другим. Делать пока всё равно было нечего, и парни прислушались к этому гомону.

– А я вам говорю, что неспроста это всё! Видать, прогневила наша высшая власть небеса, вот они и пролились на нас таким обложным дождём. Три седмицы уже льёт он, не прекращаясь, а ведь это самое время для уборки жита было. Чего жрать-то будем теперича, когда мы все старые запасы подберём, а всё новое зерно у нас на поле сгниёт?!

Правильно Твердило говорит, князь с посадником и Владыкой во всех бедах виноваты. До Господина Великого Новгорода им вовсе никакого дела нет. Один вон на великокняжеский стол в Киеве метит и нынешнего Владыку с собой хочет забрать. Другой в рот Переяславскому князю только лишь смотрит, а в своём граде у него всё без призору остаётся. Вон Великий мост уже пять годов подряд не чинен, того и гляди его Волхов в Ильмень-озеро сметёт. Как тогда град-то наш жить будет? На челнах ведь туды-суды вовсе не находишься.

К гомонившим мужикам подошло ещё человек пять, и все вместе они стали громко хаять власть.

– Рожь уже на треть за эту седмицу к своей прежней цене подскочила, эдак если и дальше цена на зерно будет расти, то останется только старые да драные поршни вываривать и мох с болота глотать!

– А зерна-то богатеи много навезли из-за моря! Чаво бы его люду весь не раздать, всё равно ведь оно там лежмя лежит! – орал третий. – Нет, они его, только когда мы с голоду помирать будем, на большой торг выставят, чтобы мы последнее, что у нас есть, им бы снесли!

– Гнать такую власть нужно! – орал другой. – Ярослав выше нашего стола себе власть ищет. Не угодил, вишь ли, ему уже наш Господин Великий Новгород. Чай, в Киеве-то нет такого дождя, и зерно там не погнило на корню, как вон у нас. Поговаривают, что малолетних сыновей он за себя здесь оставит. А нам-то они на что, какой с них будет толк вообще на княжении?! Другого князя нам надобно! Другого к себе призовём! Пущай Ярослав сам уходит и молодёжь свою с собой забирает, а мы другого себе, лучшего найдём!

---

⁸ Большие глиняные горшки-кружки, имеющие ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.